

Международная Академия Психологических Наук

В.А. МАЗИЛОВ

ПСИХОЛОГИЯ НА ПОРОГЕ XXI ВЕКА:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Ярославль 2001

Печатается по решению редакционно-издательского совета МАПН

ББК 88

Рецензенты: заслуженный деятель науки РФ, доктор психологических наук, профессор В.В. Новиков;
доктор психологических наук, профессор В.В. Козлов;
кафедра психологии Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова

Мазилев В.А. Психология на пороге XXI века: методологические проблемы. Монография. Ярославль: МАПН, 2001. 112 с.

В монографии анализируется современное состояние психологической науки, выявляются основные методологические проблемы, существующие в отечественной и мировой психологии на рубеже веков. В работе определены наиболее перспективные направления развития психологической науки, ставится задача разработки новой методологии психологической науки, ориентированной на коммуникацию, установление эффективного взаимодействия и взаимопонимания между различными подходами, направлениями, школами в психологии. Предлагается проект коммуникативной методологии.

Монография предназначена специалистам в области научной психологии, студентам и аспирантам, обучающимся по специальности «психология», всем, кто интересуется перспективами развития психологической науки в XXI столетии.

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант 98-06-08051

© В.А. Мазилев, 2001

«Сам виноват – и слезы лью, и охаю:
Попал в чужую колею глубокую.
Я цели намечал свои на выбор сам –
А вот теперь из колеи не выбраться»

«Условия, в общем, в колее нормальные:
Никто не стукнет, не притрет – не жалуйся, -
Желаешь двигаться вперед – пожалуйста!»

«Крутые скользкие края
Имеет эта колея»

«Гляжу – размыли край ручьи весенние,
Там выезд есть из колеи – спасение!»

«Выбирайтесь своей колеей!»
В.С. Высоцкий «Чужая колея» (1973)

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ. Психология: «глубины» и «высоты» или «научность»?

Едва научная психология заявила о себе как самостоятельной науке, отличной от философии, появились новые проблемы. Стремление Вильгельма Вундта сделать психологию *наукой* поддерживалось многими, но были и недовольные. Недовольство было вызвано, разумеется, не стремлением к научности: научность являлась в прошлом столетии не меньшей (на самом деле, видимо, даже большей) ценностью, чем сегодня: многих раздражало то, что научность означала (для Вундта и его пламенных сторонников) неизбежное упрощение. К примеру, Франц Brentano упоминал о «прокрустовом ложе», имея в виду вундтовскую научную психологию. Вундту хотелось «ограничить новую область в науке». Как отмечал Поль Фресс, Вильгельм-Макс Вундт (1832—1920) «был одновременно первым психологом и первым мэтром этой новой дисциплины» [71, С. 31]. Причем «первым психологом» В. Вундт оказался вполне осознанно. В предисловии к первому изданию «Оснований физиологической психологии» Вундт в марте 1874 года писал: «Предлагаемый публике труд имеет целью ограничение новой области в науке. Я хорошо сознаю, что моя попытка может быть сочтена преждевременной. В самом деле, даже анатомо-физиологические основания излагаемой науки еще не достаточно утверждены, а экспериментальная разработка психологических

вопросов едва лишь начата. Но известно, что ориентировка в действительном состоянии науки, хотя бы только возникающей, есть лучшее средство для восполнения существующих в ней пробелов. Чем несовершеннее будет в этом отношении моя попытка, попытка, надо сказать, первая, тем скорее она вызовет труды ее дополняющие и исправляющие. Кроме того именно в этой области решение многих проблем существенно зависит от связи их с фактами, которые на первый взгляд часто кажутся не имеющими сюда никакого отношения, так что только ближайшее рассмотрение этих проблем может показать верный путь к их разрешению» [10, С. III].

Вильгельм Вундт предпринял попытку построения физиологической психологии. Хотя Вундт является основателем научной психологии, что практически никем не оспаривается, вокруг имени ученого и его трудов существует много легенд, недоразумений, да и просто несправедливых оценок. Безусловно, многочисленные исследования В. Вундта заслуживают специального историко-методологического анализа. Да и сам «отец научной психологии» заслуживает обстоятельной научной биографии...

Вундт подчеркивал, что его работа представляет собой опыт соединения двух наук, которые, имея общий предмет, достаточно долго шли различными путями. Физиология имеет задачей изучение жизненных явлений, которые воспринимаются нашими внешними чувствами. В психологии человек непосредственно рассматривает свой внутренний мир и старается привести в связь явления, представляемые этим внутренним опытом. «Мы называем нашу науку физиологической психологией, потому что она есть психология, изучаемая с физиологической точки зрения» [10, С. 2]. В этой науке психологическое самонаблюдение идет «рука об руку» с методами экспериментальной физиологии. «Если иметь в виду главным образом самостоятельность метода, то нашу науку можно назвать экспериментальной психологией, в отличие от психологии, основанной исключительно на самонаблюдении» [10, С. 2]. Вундт указывает, что ядром новой науки послужили две области: ощущения, представляющие собой психологический факт, непосредственно зависящий от известных внешних условий, и произвольное движение, факт физиологический, причины которого могут быть познаны только самонаблюдением.

Необходимо сказать, что Вильгельм Вундт достаточно противоречивый, эклектический мыслитель. Поэтому легко выстраиваются упрощенные схемы, которые очень часто не оправдываются при более близком знакомстве с текстами. Сам Вундт был проницательным психологом, отдававшим себе отчет в

реальной сложности объекта психологии, поэтому сводить его взгляды к примитивной модели вряд ли правомерно. Да и 53735 страниц вундтовских трудов (по подсчетам Эдвина Боринга [90]) к этому не располагают. Приведем один пример.

Вундт, как хорошо известно, отвергает трактовку внутреннего опыта как субстанции. «Последние элементы, из которых самостоятельная психологическая теория выводит все сложные явления в области внутреннего опыта, суть не метафизические предположения относительно сущности души, но лишь непосредственно данные простые факты внутреннего опыта. Так как вся область внутренних явлений представляет характер непосредственности, то элементарные факты этой области тоже должны быть непосредственными. Итак, психология имеет то важное преимущество перед физическими науками, что ее теория совершенно не нуждается в метафизических гипотезах. Психология все более и более будет становиться чисто опытной наукой, тогда как физика, в известном смысле, получает характер гипотетичности» [10, С. 1010-1011]. Если психология теперь наука о непосредственном опыте, то, естественно, основным методом является метод внутреннего наблюдения. Эксперимент выполняет роль вспомогательного метода. Предмет и метод находятся в тесной взаимосвязи: раз теперь изучается непосредственный опыт, то самонаблюдение должно направляться на то, чтобы исследовать структуру этого опыта. Вундт указывает, что психология находится еще в зачатке: частично по причине сложности явлений внутреннего опыта и сложности их исследования, частично из за вредного влияния гипотез, перешедших в психологию из метафизики. Поэтому в настоящее время, считает Вундт, психология должна сосредоточиться на предварительной работе: «Путем внимательного анализа сложных фактов сознания, психология должна отыскивать основные, элементарные явления внутреннего опыта; указав те соединения, в которые вступают эти элементы, и те изменения, которым они подвергаются, психология приготовит почву для будущего синтеза психологических фактов» [10, С. 1011]. Вундт называет элементы — первичные факты сознания: «На первый взгляд может показаться, что первичными фактами сознания являются различные элементы — ощущение, чувство, воля...» [10, С. 1011]. Заметим, что в нашей психологической литературе так и принято считать: Вундт расчленяет сознание на ощущения, чувства, волю. Между тем, Вундт иного мнения: «...действительным элементом всех душевных явлений мы должны признать ту деятельность, в которой первоначально соединены и ощущение и воля. Эта первичнейшая форма психической деятельности есть...

побуждение» [10, С. 1011]. Действительно, Вундт называл себя волюнтаристом. Вундту, как выясняется, не чужды идеи развития. «Итак, путем исследования произвольных действий, мы нашли, что побуждение есть общий исходный пункт развития как для представления, так и для воли; после этого не трудно убедиться, что, в частности, представления и вообще все сложные явления сознания заключают в себе побуждение как первичный элемент» [10, С. 1012]. Вероятно, для тех, кто по-прежнему считает, что Вундт — «интроспекционист, изучающий замкнутое в себе сознание», трудно поверить, что он мог так высказываться: «В первичный синтез всегда входит, как содействующий фактор, движение; можно думать, что это движение обуславливается элементарным побуждением...» [10, С. 1012]. Иными словами, Вундт многолик, и внутри его системы есть положения, свидетельствующие, что к внутреннему опыту можно подходить по-разному: можно изучать структуру (с этого надо начинать), можно изучать его развитие или, вообще, рассматривать как процесс.

Словно предчувствуя, что его взгляды будут пониматься зачастую не вполне адекватно, Вундт писал: «Но мы нимало не выиграем в науке, если будем насильственно сводить сложные явления к какой-нибудь простой схеме. Единственная задача психологической теории, в которой можно рассчитывать на успех, — заключается в том, чтобы выработать, по синтетическому методу, психическую историю развития» [10, С. 1012].

И все же нельзя не отметить явное стремление Вундта сделать психологию *настоящей наукой*. Его привлекала и завораживала химия: из ограниченного числа исходных элементов выводится удивительное многообразие — весь мир. Аналогия между миром физическим и миром сознательным представлялась Вундту очевидной: естественным образом из ограниченного (чрезвычайно!) числа элементов сознания выводится весь психический мир. Для сомневающихся — убеждающий аргумент: исходные элементы, соединяясь, дают абсолютно *новые* качества (желающие мысленно могут соединить пару атомов водорода с одним атомом кислорода и убедиться, что *феноменологически* результат не будет напоминать об исходных составляющих).

Впрочем, довольно о Вундте. Про Вундта мы вспомнили в связи с тем, что современная научная психология, как бы то ни было, является «наследницей по прямой» вундтовской физиологической психологии. Вундт был мудрым человеком и очень хорошо понимал недостатки созданной им системы. Гипотезы *ad hoc*, различные поправки «по ходу», дополнительные принципы и т.п. — все это принесло Вундту нелестное определение «эклектика». Мы — с

порога XXI века – можем констатировать, что путей к целостности много. У Вундта был свой – довольно несовершенный. Но он был первым. Приведем только оценку, которую дает этому этапу развития психологии известный американский психолог Уильям Джемс (в прекрасном переводе Н.Н. Ланге): «Творения Локка, Юма, Рида, Гертли, Стюарта, обоих Миллей навсегда останутся классическими образцами непосредственного самонаблюдения, а в трактатах профессора Бэна мы имеем, может быть, последнее слово этого метода, взятого в отдельности – последний момент юности психологии, еще не технической и общедоступной, вроде химии у Лавуазье или зоологии до употребления микроскопа. Но психология перешла уже в другой, менее простой фазис. В течении последних лет возникла в Германии, так сказать, микроскопическая психология, основанная на экспериментальных методах, спрашивающая в каждый момент о данных самонаблюдениях, но устраняющая их недостоверность более широкой проверкой и статистическими вычислениями. Этот метод требует в высшей степени терпения, и едва ли мог возникнуть в стране, жители которой способны испытывать утомление. Такие немцы как Вебер, Фехнер, Фирорд и Вундт очевидно к этому неспособны; и их успех вызвал на поле битвы ряды молодых экспериментальных психологов, стремящихся изучить *элементы* душевной жизни, выделяя их из сложных душевных комплексов, в которых они скрыты, и стараясь, насколько возможно, свести эти элементы к некоторой количественной шкале. Так как простой и открытый метод атаки дал уже все, что он мог дать, то прибегли к методу выжидания, обложения, изнурения противника; душевная жизнь должна была подвергнуться регулярной осаде, в которой минутными успехами, силой приобретаемыми и днем и ночью, эта жизнь блокируется на ее вершинах, с тем, чтобы наконец ворваться и туда. У этих новых философов призмы, маятника и хронографа мы не найдем высокого стиля. Их средства – работа, а не храбрость. То благородное прорицание и та нравственная высота, которые Цицерон считает наиболее пригодными для проникновения в природу, оказались недостаточными, но эта задача несомненно в один прекрасный день будет разрешена этими новыми мыслителями, их выслеживаниями и выпытываниями, их беспредельным упорством и в высшей степени дьявольской хитростью» [94, v.1, p.192].

Итак, о критиках. Первым был Франц Brentano, который отстаивал целостность психической жизни. Эту традицию продолжил, как известно, Вильгельм Дильтей. Мы не будем здесь на этом останавливаться (см. подробнее [36]), скажем о других критиках – о

тех, которые настаивали на «объемности» психологии. Они (кстати, совершенно справедливо) обращали внимание на то, что у психики есть «глубины». Французские неврологи, а затем Фрейд обратили внимание на глубины психики – на наличие неосознаваемых уровней психической жизни. Не станем здесь повторять всем известные истины. Понятно, что представители «строгой науки» поспешили объявить все *это* не наукой. Вюрцбургская школа, впрочем, все поставила на место: убрав ненужные контексты, в рамках «чистой» науки прекрасно продемонстрировала, что вышеупомянутые феномены действительно имеют место. И, кстати, доказала, что метод психологии по необходимости должен быть опосредствованным.

Затем наш классик Лев Семенович Выготский постулировал необходимость «вершинной» психологии. Услышим слово выдающегося мыслителя, которому, без сомнения, удалось сказать слова, которые предстоит как просто «услышать», так и адекватно «декодировать» неоднократно: «Наше слово в психологии: от поверхностной психологии – в сознании явление не равно бытию. Но мы себя противопоставляем и глубинной психологии. Наша психология — вершинная психология (определяет не «глубины», а «вершины» личности) [13, С. 166]. Это лишний раз подтвердило, что мир психологии – очень сложный мир. Не линейный, не плоскостной, но мир с глубинами и высотами. Следуя традициям, можно уподобить психический мир человека звездам. Многое указывает, что человеческая душа (Psyche) как предмет психологической науки и звезды над нами не просто связаны (связать, как хорошо известно, можно «что угодно» с «чем угодно» и, притом, достаточно легко), но имеют «много общего». Можно даже говорить об «общей» судьбе. Эта «общность», разумеется, возникает из закономерностей (точнее, из трудностей) человеческого познания. С древних пор существует мнение, что и звезды, и человеческая душа – труднодостижимые объекты. Так что, по меньшей мере, некоторые аналогии представляются достаточно правомерными и обоснованными. Карл Юнг – один из выдающихся мыслителей уходящего века – так писал об этом: «Если человеческая душа и являет собой нечто, то это нечто оказывается невообразимо сложным и многообразным, и, разумеется, приблизиться к этому нечто с позиций психологии инстинкта невозможно. Я могу только вглядываться пристально с изумлением и трепетом в глубины и высоты нашей психической жизни. Ее непространственный универсум скрывает несказанное изобилие образов, которые были накоплены миллионами лет развития живого и зафиксировались в организме. Мое сознание подобно глазу,

который проникает в наиболее отдаленные пространства, оказываясь там уже психическим не-Я (Эго), заполняющим эти пространства непространственными образами. И эти образы являются не бледными тенями, а мощными психическими факторами... Рядом с этой картиной я хотел бы поместить зрелище звездного неба ночью, т.к. единственный эквивалент универсума внутри нас – универсум вовне; и как только я постигаю этот мир с помощью тела, тотчас же я обнаруживаю его посредством психического» [84, С. 126]. «Звезда — как свет, сияющий во тьме, — является символом духа. Бейли, однако, подчеркивает, что звезда очень редко имеет единственное значение – она всегда склонна к многозначности. Во всяком случае она поддерживает силы духа, выступающие против сил тьмы» [30, С. 206]. «Звезда как семнадцатый аркан колоды Таро содержит аллегорический образ обнаженной девушки, стоящей на коленях у пруда и льющей животворную жидкость из золотого кувшина в недвижные воды. В левой руке она держит серебряный кувшин, из которого льется свежая вода на сухую землю, стимулируя рост растений, чаще всего представленных веткой акации и цветущей розой, эмблемой бессмертия и любви. Над этой фигурой изображена яркая звезда и несколько звезд поменьше. Высший смысл этого символа, скорее всего выражает взаимодействие различных миров или животворящую силу, передаваемую находящейся в определенных сосудах жидкости от небесных светил и, таким образом, означающих переход этих небесных свойств к исключительно материальным стихиям земли и воды. По этому поводу Освальд Вирт заключает, что в этом аркане изображается душа, объединяющая дух с материей» [30, С. 206-207]. «Существующая во всех древнейших цивилизациях звезда с пятью лучами (Звезда магов), или пентаграмма, является матрицей Космического Человека, символическим изображением человека в пропорциях Вселенной, воплощением человеческого микрокосма» [24, С. 133].

Впрочем, оставим символику звезд (об этом можно писать очень долго), ведь нас интересует психология. Отметим лишь, что эта символика отчетливо указывает на тесную связь звезд со «сверхзадачей» психологии – «вписать» человека с его душой в картину мира. Что может быть ближе к решению ее главных задач, чем «душа, объединяющая дух с материей»? Вспомним только о знаменитом кантовском выражении: «И чем более я размышляю, тем более две вещи наполняют душу мою все новым удивлением и нарастающим благоговением: звездное небо надо мной и нравственный закон во мне».

Как бы то ни было, совершенно ясно и не подлежит никакому сомнению, что звезды и психический мир человека объединяет исключительная сложность этих феноменов. Кант, которого мы только что процитировали, однажды заметил, что человек может постигать и непостижимость. Устремленность «к звездам» (*per aspera ad astra*) – для психологии — может расцениваться, таким образом, и как направление поисков (через трудности к высокой цели), и как приверженность тому принципу, что психика человека представляет собой сложный феномен, универсум. Вряд ли может быть оправдана исследовательская стратегия, при которой объясняемое лишается своих «высот». В лучшем случае, это псевдообъяснение (или, по остроумному выражению М.К. Мамардашвили, «*explane away*», т.е. «от-объяснить»). В психике человека существуют свои глубины и высоты, более того, только через глубины и высоты может быть постигнута ее сущность. Психика, лишенная глубин и высот, это не человеческая *Psyche*, а какая-нибудь высшая нервная деятельность (что, разумеется, не отменяет значения исследования последней, но, тем не менее, с очевидностью свидетельствует: психика в целом не может быть сведена к какому-то частному своему «проявлению» – ориентировке, адаптации и т.п.). И, следовательно, как бы ни привлекали исследователя упрощающие модели, как бы ни казалось, что эти высоты и глубины души вообще непостижимы, отказываться от возможности их раскрытия просто недальновидно. Еще раз вспомним о Канте: мы постигаем непостижимость. «Звездность» психологии означает признание наличия этих глубин и высот, признание того, что многое в психике человека, во всяком случае, сегодня еще не познано, да, пожалуй, и в обозримом будущем не будет познано. Но у нас нет абсолютно никаких серьезных оснований закрывать дорогу возможности такого познания, неадекватно ограничивая пространство научного поиска. Вместе с тем, очевидно, что психологическая наука (речь идет в данном случае об академической психологии), напротив, стремится «упростить» феномен, свести его, редуцировать к чему-то более простому. В результате психика выступает как частичный феномен. Немало этому способствует и традиционная для научной психологии ориентация на рассмотрение психики как свойства материальных систем. Вспомним про Канта, утверждавшего, что «материализм никогда нельзя применить в качестве принципа, объясняющего природу нашей души». Может быть, великий философ в этом случае не ошибался?

Но главное, как представляется, в другом. Современная научная психология совершенно неоправданно исходит из того, что

«главное» о психике науке «в принципе» уже известно. Следовательно, правомерны и адекватны «старые песни», которые как и любые «старые песни о главном» прекрасно характеризуют суть дела. Наука, однако, не эстрада, и не может поступать таким образом, тем более наука о психическом. Для стиля «ретро» кроме ностальгии по прошлому должны иметься дополнительные, причем веские основания. Карл Юнг обоснованно называл заблуждением утверждения, будто наше нынешнее знание психики «является полным»: «Но эта вера с очевидностью ложна, также как ложно и предположение, что мы знаем все, что можно знать о вселенной. Наша психика лишь часть природы, и тайна ее безгранична, поэтому мы не можем дать полное определение ни психическому, ни природе. Мы можем лишь заявлять, что верим в их существование и описываем, как умеем, — лучшее из того, что мы можем, — каким образом они действуют» [83, С. 27]. Юнг полагал, что в основе таких заблуждений лежит древний «мизонеизм» — страх перед новым и неизвестным. Так или иначе, но «звездность» психологии означает открытость новому, неизведанному, стремление преодолеть этот страх, выйти за поставленные рамки, вырваться из наезженной колеи. Тем более, если эта колея — чужая. Впрочем, разговор об этом впереди.

И все-таки на первом месте — научность. Не случайно за нее ратовали — «первый психолог» Иоганн Герbart (напомним, первым из представителей этой сферы знания он попытался обосновать психологию как науку [17]), и Вильгельм Вундт, которому выпала судьба осуществить становление научной психологии. Об особой роли науки прекрасно сказал А. Маслоу: «Мне совершенно ясно, что научные методы (в широком их понимании) являются единственным способом удостовериться, что мы действительно обрели истину. Но при этом очень легко стать жертвой недоразумения и впасть в проли или анти-научную дихотомию. (...) Я критиковал сложившийся в XIX веке ортодоксальный научный подход и намерен продолжать в том же духе, расширяя рамки науки, чтобы сделать ее более способной к решению задач новой, личностной, эмпирической психологии» [45, С. 17]. И далее: «Наука, как ее обычно понимают ортодоксы, совершенно непригодна для решения этих задач. Но я уверен, что ей не нужно ограничиваться ортодоксальным подходом. Ей не нужно отречься от проблем любви, творчества, ценностей, красоты, воображения, нравственности и «радостей земных», оставляя их «не ученым» — поэтам, пророкам, священникам, драматургам, художникам или дипломатам. Любого из этих людей может посетить чудесное озарение, любой из них может задать вопрос, который следует задать, высказать смелую гипотезу и даже в

большинстве случаев оказаться правым. Но сколь бы он ни был убежден в этом, ему вряд ли удастся передать свою уверенность всему человечеству. Он может убедить только тех, кто уже согласен с ним, и еще немногих. Наука – это единственный способ заставить нас проглотить неуютную истину. Только наука может преодолеть субъективные различия в нашем видении и в убеждениях. Только наука может питать прогресс. Однако факт остается фактом: она действительно зашла в своеобразный тупик и (в некоторых своих формах) может представлять угрозу для человечества или, по крайней мере, угрозу самым возвышенным и благородным качествам и устремлениям человечества. Многие восприимчивые люди, особенно люди искусства, опасаются угнетающего воздействия науки, ее стремления разделять, а не соединять вещи, то есть – разрушать, а не создавать» [45, С. 18]. Констатируем, что Маслоу — классик гуманистической психологии — призывал (как ранее это делал Карл Юнг) психологию, фактически, к тому, что мы назвали «звездностью». Присоединимся к высокой оценке роли науки, заметив, что вряд ли перспективно на пороге третьего тысячелетия отождествлять *всю* науку с конкретными (историческими) стандартами и идеалами научной рациональности. Нет никаких гарантий, что само представление о науке и научности в третьем тысячелетии не претерпит радикальных изменений.

Уже сегодня, на пороге XXI века общим местом стали разговоры о кризисе научной рациональности. Рассуждения стали настолько распространенными, что попали даже на газетные полосы [48]. Это, несомненно, свидетельствует о том, что проблема является и модной, и актуальной. Здесь нет возможности специально обсуждать эти вопросы философии и методологии науки, хотя они и имеют самое непосредственное отношение к актуальным методологическим проблемам современной психологии. Видимо, после работ Пола Фейерабенда ясно, что XXI век будет веком методологического плюрализма: существует множество равноправных типов знания [68]. Наука – лишь одна из форм человеческого мышления. В самой же науке все более становится очевидным, что не может быть единого стандарта. Фейерабэнд формулирует позицию «методологического анархизма» и свой знаменитый принцип «anything goes» («все дозволено»): «В этом случае становится очевидным, что идея жесткого метода или жесткой теории рациональности покоится на слишком наивном представлении о человеке и его социальном окружении. Если иметь в виду обширный исторический материал и не стремиться «очистить» его в угоду своим низшим инстинктам или в силу стремления к интеллектуальной безопасности до степени ясности,

точности, «объективности», «истинности», то выясняется, что существует лишь один принцип, который можно защищать при всех обстоятельствах и на всех этапах человеческого развития, — допустимо все» [68, С. 158-159]. Не вдаваясь в тонкости этого в действительности центрального и одновременно сложнейшего вопроса философии и методологии науки, отметим, что для современной психологии это имеет принципиальное значение. Нет никаких серьезных оснований искусственно «зауживать» пространство психологической науки, ограничивая его сложившимися традиционными для академической психологии представлениями. Само выделение психологии в самостоятельную науку и «направление» первоначального развития зависело от комплекса обстоятельств, перипетий «внешней» и «внутренней» истории, не все было *исторически необходимо*. Психология еще слишком молодая наука, чтобы полагать, что тенденции ее развития определились окончательно. Вполне можно ожидать существенного изменения направления развития. У научной психологии еще все впереди.

Часть первая: НА ПОРОГЕ НОВОГО ВЕКА

1. «О возвышенном и удивительном»

Прошло уже более ста лет с тех пор, как люди «приходят» в психологию. Это стало возможно после того, как «отец» научной психологии Вильгельм — Макс Вундт (1832–1920) в семидесятые годы прошлого века вначале конституировал новую научную дисциплину, а затем наладил поточное «производство» специалистов в области новой науки. Так родилась первая научная школа в психологии. Историки психологии подсчитали, что школу Вундта прошли более 170 ученых из разных стран (немцев — 136, американцев — 14, англичан — 10, поляков — 6, русских — 3, французов — 2). Есть основания полагать, что данные неполные (к примеру, не ясно, включать ли сюда «стажеров» — если включать, то число еще более возрастает). Кто из мэтров сегодняшней психологии может похвалиться таким количеством учеников (я, естественно, не поднимаю вопрос о «качестве» — большинство из вундтовских питомцев остались навсегда в истории мировой психологической мысли). В качестве примера — из России у Вундта учились: В.М. Бехтерев, Н.Н. Ланге, В.Ф. Чиж. Представляется, комментарии излишни. Так вот, возможность работать в качестве психолога-профессионала появилась по историческим меркам совсем недавно. В нашем отечестве у психологии своя судьба, непростая как и сама история страны. Психология как наука в нашем государстве на протяжении уходящего столетия неоднократно подвергалась внешним «воздействиям», среди которых были и откровенные погромы, и весьма жесткие проработки, и «дискуссии»,

увы, весьма далекие от ученых споров. Но, тем не менее, психология выжила, вынесла испытания «на прочность». Современный отечественный психолог вправе (для характеристики профессионального психологического сообщества) привести известные слова Владимира Семеновича Высоцкого: «Мы из породы битых, но живучих». И, вероятно, каждый, кто тем или иным путем пришел в психологию, благодарил Судьбу за представившуюся ему возможность. Что может быть лучше, интересней, чем заниматься психологией человека? Если разобраться, занятия психологией — величайшая дерзость человеческого разума, бросающего вызов Совершенному и Непостижимому и пытающегося объяснить устройство и функционирование Души. Человеческий разум в психологии устремляется на разрешение мировых загадок. Вероятно, из семи мировых загадок, возможность разрешения которых манила ученых прошлого столетия, те, что относятся к психологии, в полной мере заслуживают наименования не просто загадок, но мировых Тайн. Тайна человеческой Души по-прежнему не раскрыта (и, пожалуй, со времен Аристотеля и Платона вряд ли человечество существенно приблизилось к тому, чтобы хотя бы немного ее приоткрыть: так сказать, «тайна сия велика есть»). Здесь становится отчетливо заметно различие между пониманием и знанием: знаний накоплено огромное количество, необходимого понимания пока что нет. Но — парадокс, тайна необходима. Мы постигаем непостижимость. Прекрасно об этом сказал Юнг: «Очень важно иметь тайну, или предчувствие чего-то неизведанного. Это придает жизни некое безличное, нуминозное свойство. Кто этого не испытал, упустил нечто важное. Человек должен чувствовать, что живет в мире, который все еще полон тайн, что всегда остаются вещи, которые объяснить невозможно, что его еще ждут неожиданности. Неожиданное, как и невероятное, всегда присутствует в этом мире. Жизнь без них неполна. Для меня с самого начала мир был бесконечен и непостижим» [85, С. 351].

Вновь приходящему в психологию кажется, что он идет навстречу «бесконечному и непостижимому». Возможность «бросить вызов» (или хотя бы «приобщиться» к тайнам души) и вдохновляет неопитов (входящему в мир психологии часто кажется, что, может быть, именно ему дано сказать что-то существенно новое). По крайней мере, начинающему изучать психологию представляется, что он будет постигать эти загадки человеческой души. Но его очень часто ждет разочарование. Подтверждая афоризм, согласно которому «психология делится на научную и интересную» [18], в научной психологии он находит вовсе не то, что ожидал. Человека интересует человек. Как писал М.С. Роговин —

замечательный отечественный психолог, работавший в 70-е годы на ярославской земле: «Вместе с расширением самой области психологического исследования, вместе со все большей дифференциацией психологии теряется из виду ее главный объект – сам человек, продукт и в то же время творец определенной исторической эпохи, человек с его радостями и страданиями, стремлениями, успехами и ошибками, живой человек – единственный настоящий объект психологии. На его место становятся абстрактные «психологические механизмы», «детерминирующие тенденции», «содержания сознания», «акты», «процессы», «обратные связи» и т.п., которые, хотя и представляют необходимые строительные леса на здании научной психологии, хотя и углубляют наше понимание закономерностей психики, но которые, взятые вне общего контекста личности и деятельности человека, могут заслонить собой конечную цель психологического исследования» [56, С. 5]. Строительные леса, как можно полагать, очень часто заслоняют не только фасад строящегося здания, они препятствуют восприятию «глубин» и «высот» (про то, что леса мешают увидеть звезды, я уже и не вспоминаю). Сколько научных психологов становятся в конечном счете специалистами-экстра-класса-по-возведению-строительных-лесов? Сколько неопитов-психологов становятся впоследствии уважаемыми ортодоксальными учеными, не помышляющими более о мировых загадках, а решающими свои задачи-головоломки (в смысле Томаса Куна), т.е. становятся научными сотрудниками, привычно движущимися «в колею» — «науке неизвестно» (по-видимому, о жизни на Марсе все же известно больше). Известно то, что лишь единицы стремятся выйти за «колею», чего ортодоксальная наука обычно не прощает. Самый распространенный «защитный» ход официальной науки: объявить нарушителя «persona non science», т.е. «не наукой» (а за пределами науки это может быть чем угодно: литературой, мистикой, философией, религией и т.д.). В таком положении в свое время оказывались и Фрейд, и Юнг, и Адлер, и Маслоу, и Гроф, и Уилбер... Впрочем, известная поговорка гласит – «время – честный человек». Рано или поздно все станет на свои места. «Все будет правильно, на этом построен мир», — эти слова вложены писателем в уста того, кто явно владел информацией. Для научной психологии не только «еще не вечер», скорее утро... С. Л. Рубинштейн, несомненно, был прав, когда писал в «Основах общей психологии»: «Психология и очень старая, и совсем еще молодая наука. Она имеет за собой тысячелетнее прошлое, и тем не менее она вся еще в будущем» [61, С. 46].

Поэтому стремление оказаться «не как все», выйти за «колею» требует известного мужества: таким образом легко заработать репутацию научного маргинала. Но двигаясь в колее, очень трудно попасть к звездам. И тех, кого манят высоты и глубины, ждет выбор. Многим, как уже отмечалось, приходится смириться: для них психология оказывается не тем, что представлялось «издали», не знанием о наиболее «возвышенном и совершенном», но чем-то иным. Тем, что являет собой магистральное направление, mainstream научной академической психологии. К слову сказать, научной академической психологии в шестидесятые годы уходящего века был нанесен сокрушительный по своей силе удар: возникло направление, которое назвало себя «гуманистическая психология». Это на самом деле означало, что научная академическая психология вовсе не «человечная»: «человека забыли», как сказано в известной чеховской комедии. Видимо, строительные леса разрослись до такой степени, что человека совсем не стало видно и про него уже просто забыли.

Если осмысление мира, в котором живет человек, создание его научной картины, является все же одной из первостепенных задач Науки, то даже более или менее поверхностный анализ заставляет признать, что постижение психического не только самая трудная, но и самая глобальная задача. Психика это та часть мира, которую нельзя выделить из остального мира. Как некогда пронциательно заметил Юнг: «Каждый выхватывает свой собственный фрагмент мира и сооружает для своего частного мира собственную частную же систему, зачастую с герметическими стенами, так что через некоторое время ему кажется, будто он познал смысл и структуру мира. Конечное никогда не обоймет бесконечное. Мир психических явлений есть лишь часть мира в целом, и кое-кому может показаться, что как раз в силу своей частности он более познаваем, чем весь мир целиком. Однако при этом не принимается во внимание, что душа является единственным непосредственным явлением мира, а следовательно, и необходимым условием всего мирового опыта» [83, С. 111]. Возможно, обращение научной психологии к ее подлинным задачам еще перестроит *всю систему научного знания*.

Открывая знаменитый трактат «О душе», Аристотель писал: «Признавая познание делом прекрасным и достойным, но ставя одно знание выше другого либо по степени совершенства, либо потому, что оно знание о более возвышенном и удивительном, было бы правильно по той и другой причине отвести исследованию о душе одно из первых мест» [5, С. 371].

Однако уже второй абзац великого трактата посвящен немалым сложностям метода: «Добиться о душе чего-нибудь достоверного во всех отношениях и безусловно труднее всего» [5, С. 371]. Нам остается лишь констатировать, что великий Стагирит был, несомненно, прав и в одном, и в другом случае — человеческая душа представляет собой одну из величайших загадок («возвышенное и удивительное») и исследовать ее чрезвычайно непросто («безусловно труднее всего»). Тем не менее, наука о душе возникла — *logos peri psyche* — так ее представлял себе Аристотель, «отец» психологии. А если учесть, что и сегодня практически по любому психологическому вопросу взгляды Аристотеля оказываются не только актуальными, но и во многом эвристичными, то следует признать — со «степенью совершенства» все тоже было в полном порядке. «Труды Аристотеля как по отдельным наукам, так и собственно по философии есть во многих отношениях вершина того, чего достигла античность, и психология не представляет в этом отношении исключения» [57, С. 152]. М.С. Роговин продолжает: «...именно у Аристотеля впервые вводится и получает обоснование ряд хотя и взаимосвязанных, но все же разных понятий функциональной, структурно-уровневой и даже (хотя и в очень специфическом смысле!) генетической психологии, причем все это на такой широкой философской основе, которую мы не находим ни у одного другого автора вплоть до современности» [57, С. 152]. «Психология в изложении Аристотеля настолько тесно переплетается с другими сторонами его учения, что невозможно показать истинную природу психологического учения Аристотеля вне более широкого научного, философского и культурного контекста» [57, С. 152]. Не станем утомлять читателя анализом психологических воззрений великого Стагирита, хотя, заметим в скобках, возможно, уже наступает время в очередной раз перечитать труды античного психолога и в очередной раз увидеть новые ориентиры для науки о внутреннем мире человека на пороге третьего тысячелетия. Задача данной работы вовсе не историко-психологическая. Поэтому ограничимся лишь формулировкой нашего предположения: если действительно признавать познание делом «прекрасным и достойным», то, по-видимому, психологические концепции Аристотеля потому глубоки и притягательны (являются знанием высокого уровня «по степени совершенства»), что удивительным образом сочетают в себе философию, науку и жизненность. Как отмечал в своей уже цитированной нами статье М.С. Роговин, единая, нерасчлененная наука античности в значительной мере слита с философией и Аристотель делает важный шаг в сторону их дифференциации. С

нашей точки зрения, психология тогда приближается к решению своих главных задач, когда, понимая разнонаправленность требований «жизненности», «философии» и «научности», все же пытается обеспечить их сочетание. Во всяком случае, опыт работы Уильяма Джемса, Карла Юнга или Абрахама Маслоу, на наш взгляд, свидетельствует именно об этом. Как проницательно заметил А. Маслоу, те ученые, которые стремятся лишь к простоте и ясности, старательно избегают изучения гуманистических и личностных проблем человеческой природы... Иными словами: чем «научнее» психология, тем меньше в ней «удивительного» и «возвышенного» и, тем самым (увы, приходится это признавать!), неизбежно снижение уровня по первой аристотелевской шкале: совершенство уменьшается, хотя ясность и простота (отдадим должное) достигают предельных значений. Наверное, это одно из фундаментальных противоречий — еще в начале двадцатого века (в 1917 году) С.Л. Франк бурно протестовал против слишком «узких» рамок научной психологии: «Прекрасное обозначение «психология» — учение о душе — было просто незаконно похищено и использовано, как титул для совсем иной научной области; оно похищено так основательно, что, когда теперь размышляешь о природе души, о мире внутренней реальности человеческой жизни, как таковой, то занимаешься делом, которому суждено оставаться безымянным или для которого надо придумать какое-нибудь новое обозначение. И даже если примириться с новейшим, искаженным смыслом этого слова, нужно признать, что по крайней мере, три четверти так называемой эмпирической психологии и еще большая часть так называемой «экспериментальной» психологии есть не чистая психология, а либо психо-физика и психофизиология, либо же — что точнее уяснится ниже — исследование явлений хотя и не физических, но вместе с тем и не психических» [70, С. 423]. Разумеется, никто сегодня не станет кидать камни в обширные огороды психофизиков и психофизиологов, успешно развертывающих свои изыскания по канону естественной науки. И с каждым очередным их успехом становится все более ясно, что, как бы ни были важны и грандиозны эти исследования и впечатляющи их результаты, они составляют не все пространство психологии. Остальную часть занимает нечто, явно указывающее на «высоты» и «глубины» душевного мира. Это и вызывает некое смутное чувство — не то тоску, не то ностальгию по совершенству. Впрочем, оставим, наконец, великого Стагирита в покое: представляется, он сделал все, чтобы помочь нам в исследовании возвышенного и удивительного. И если мы до сих пор не прислушались (или не

захотели этого сделать) к авторитетному античному мнению, то это исключительно наши проблемы.

М.С. Роговин, известный отечественный психолог и методолог психологии, сформулировал важную мысль: развитие психологии есть взаимодействие трех «потоков» — донаучной, философской и собственно научной психологии: «В стремлении рассмотреть развитие психологии путем сочетания плана систематизации и исторического плана мы выделяем три основных вида психологии, которые, хотя и представляют собой хронологическую последовательность, но тем не менее на тот или иной исторический период образуют и сложное единовременное сочетание донаучной, философской и научной психологии. Каждая из них характеризуется определенным, только ей свойственным общим подходом к психическому, своими методами его изучения, своими оценками, понятиями и способами объяснений» [58, С. 3]. Нами в предшествующих работах было показано, что каждая из названных «психологий» имеет свои специфические функции в общей структуре психологического знания [36]. Между ними существуют достаточно сложные взаимоотношения. «Непредставленность» (или недостаточная представленность) какой-то из составляющих в структуре психологического знания ведет либо к аномалиям в психологии, либо к застою мысли [37]. К примеру, нынешний пышный расцвет околонуучных психологических занятий (окулльтизм, магия, парапсихология и т.п. «психотехнологии») может быть интерпретирован как определенная слабость научной психологии, уступающей проблемные поля специалистам по «практической психологии» широкого профиля. Все же обратимся непосредственно к научной психологии, анализу методологических оснований которой посвящена настоящая работа.

2. Психология на пороге нового века

Многих представителей психологического научного сообщества, вне всякого сомнения, остро волнует вопрос о том, что являет собой научная психология на пороге XXI века: находится она в кризисе или, напротив, с уверенностью смотрит в будущее. Прежде всего стоит заметить, что, конечно, психология вовсе не так однородна, чтобы были адекватны столь прямолинейные суждения и однозначные оценки: перспективные тенденции давно уже существуют и активно разрабатываются — просто они еще не стали психологическим *mainsream*'ом, с другой стороны, многое в науке сегодняшнего дня, по сути, уже принадлежит прошлому. В психологии, которая не столь жестко парадигмальна, как, скажем, многие естественные науки (хотя, заметим в скобках, наличие такой

парадигмальности и в них многими сегодня оспаривается), очень важен «вектор», направление поисков и ожиданий. Таким образом, речь идет только о некоторых тенденциях (или, вообще, интенциях).

О сегодняшней психологии проще всего сказать: она находится в кризисе. Наиболее распространенное возражение, которое можно услышать в этом отношении, состоит в том, что никакого кризиса в психологии нет, — то, что мы имеем, это ее «нормальное» состояние. Аргументация при этом выглядит чрезвычайно убедительно: академическая наука интенсивно развивается (тысячи томов монографий, сотни научных журналов, многочисленные конференции, симпозиумы и конгрессы, проходящие ежемесячно, об этом свидетельствуют). Практически ориентированная психология также интенсивно развивается, она востребована социумом, услуги практических психологов хорошо оплачиваются. Спорить с такими аргументами невозможно. Все действительно так. Есть продукция, есть востребованность. Можно только уточнить, что речь идет именно о научной психологии. Наука призвана адекватно объяснять свои объекты. Психологическая наука претендует на создание адекватной теории психического. И, если она хочет быть честной перед собой, должна признать, что модели, которые она сегодня продуцирует, пока что большей частью весьма далеки от того, чтобы дать непротиворечивую картину психической жизни человека во всей ее полноте и сложности (с «глубинами» и «высотами!»). Ориентирами при этом традиционно являются искусство и философия, которым каким-то образом удается (в отличие от строгой науки!) продемонстрировать сложность психической жизни. И если оказывается, что наука упрощает, подвергает редукции эту психическую жизнь, сводит ее к каким-то частным проявлениям, то именно это обстоятельство и заставляет говорить о наличии кризиса в психологии.

В этом смысле, как представляется, кризис современной психологии не подлежит никакому сомнению. Как равно не подлежат сомнению и достижения, наработки психологической науки во всех ее областях и отраслях. И этот существующий кризис является дополнительным стимулом, корректирующим траекторию развития научной психологии. (Чтобы избежать возможных недоразумений, заметим, что когда речь заходит о кризисе, то вовсе не имеется в виду создание какой-то единой глобальной теории, которая бы «отменила», «сняла» ныне существующие. Если такое вообще возможно, то — совершенно очевидно — это произойдет не сегодня. Современная психология страдает — об этом в первую очередь свидетельствует кризис — от взаимного непонимания разных

психологов, принадлежащих различным направлениям и подходам, от отсутствия содержательной конструктивной коммуникации).

В периоды кризисов, как это хорошо известно, оказываются наиболее востребованными знания методологические, т.к. только методологический анализ позволяет понять глубинные причины кризиса и обозначить направление выхода из сложившейся ситуации. Ж. Пиаже, характеризуя развитие психологической науки, отмечал: «Науки более развитые, чем наша, уже давно пришли к пониманию того, что успехи науки в периоды ее кризисов обычно связаны с ретроактивной критикой употребляемых понятий, следовательно, с внутренней (и независимой от философии) эпистемологической критикой» [50, С. 189]. О том, что кризисы плодотворны, писали и другие известные психологи. В статье Е.Д. Хомской «О методологических проблемах современной психологии» констатируется «наличие методологических трудностей в различных областях психологии» [73, С. 113]. В заметке от редакционной коллегии, сопровождающей названную статью, фиксируется «ситуация методологического кризиса, сложившаяся в отечественной психологии за последние годы» [47, С. 125]. Факт кризиса признается ныне многими психологами.

Итак, констатируем: в психологии очередной методологический кризис. Кризис на пороге XXI века. Любопытно, что часто высказывается (даже психологами!) мнение, согласно которому рубеж тысячелетий — дата «условная», поэтому, по сути, ничего не означает. Конечно, точка отсчета (от Рождества Христова, от основания Рима, от Сотворения мира и т.п.) произвольна, следовательно, «круглая» дата вполне могла «придтись» не на 2001, а на какой-то другой. Но, разумеется, дело не в мистике дат. Дело в человеческой психологии: если ее понимать не чисто «естественнонаучно» (точнее, примитивистски-объектно), то совершенно необходимо признать за человеческой психикой известную свободу — а это, в частности, означает, что ожидание, как и рефлексия, способны менять «траекторию» развития. «Знание о будущем человека оказывается таковым, что оно изменяет предсказываемое потенциальное будущее» [69, С. 139]. На пороге двадцать первого века об этом полезно помнить.

В классификации наук О. Конта психологии, как известно, места не нашлось. Отец позитивизма полагал, что психология не стала еще положительной наукой, а находится (согласно закону трех стадий) на метафизической ступени. Для первой половины XIX столетия эта констатация была в целом справедливой, хотя попытка заменить психологию френологией уже современниками воспринималась как курьез. С тех пор многое изменилось:

психология выделилась в самостоятельную науку, в значительной степени стала «положительной». Классификации наук в двадцатом столетии составлялись неоднократно. При этом почти все авторы недвусмысленно указывали на особое, центральное положение психологии среди других наук. Многие известные психологи высказывали мысли о том, что психология в будущем займет ведущее место в структуре человеческого знания, что психологическое знание должно явиться основой для наук о духе и т.п. Тем не менее сегодня, когда мы вступаем на порог XXI века, приходится констатировать, что эти прогнозы и надежды в целом не оправдались: статус психологии вовсе не так высок, а ее влияние на другие дисциплины не так сильно, как это следует из определения психологии как науки, имеющей особое положение среди других.

2.1. Кризис в психологии

Итак, в психологии на пороге XXI века очередной кризис. В рецензии на упомянутую статью известного отечественного нейропсихолога утверждается, что «приходится согласиться не только в целом с диагнозом, поставленным Е.Д. Хомской, но и с квалификацией его как очередного методологического кризиса, возникшего в отечественной психологии в связи с новой социальной и внутриспсихологической ситуацией (в частности, вследствие широкого распространения психоанализа, психотерапевтической практики и идей гуманистической психологии)» [75, С. 126]. С тем, что в современной психологии существуют «острые теоретические и методологические трудности и противоречия», был согласен и В.В. Давыдов [19, С. 127]. О наличии кризиса или серьезных методологических трудностей писали в последние годы К.А. Абульханова [2], А.В. Брушлинский [8], В.П. Зинченко [25], О.К. Тихомиров [65] и мн. др. Кризис в психологии зафиксирован и зарубежными авторами [93], [15] и др. Складывается определенное и устойчивое впечатление, что факт кризиса — явно методологического — налично. Сразу вспоминается знаменитый «открытый кризис» в психологии, описанный и проанализированный К. Бюлером [92] и Л.С. Выготским [13], К. Левином [96] и С.Л. Рубинштейном [60, 61].

Известно, что датировка возникновения кризиса совпадает с датой возникновения научной психологии. Об этом писал еще в 1914 году Н.Н. Ланге: «Кто знаком с современной психологической литературой, с ее направлениями и тенденциями, особенно в отношении принципиальных вопросов, не может, я думаю,

сомневаться, что наша наука переживает ныне тяжелый, хотя и крайне плодотворный, кризис. Этот кризис, или поворот (начало которого можно отнести еще к 70-м гг. прошлого столетия), характеризуется, вообще говоря, двумя чертами: во-первых, общей неудовлетворенностью той прежней доктриной или системой, которая может быть названа, вообще ассоциационной и сенсуалистической психологией, и, во-вторых, появлением значительного числа новых попыток углубить смысл психологических исследований, причем обнаружилось, однако, огромное расхождение взглядов разных психологических направлений и школ» [33, С. 69]. Н.Н. Ланге определил признаки кризиса: реально работал критерий «огромного расхождения» («отсутствия общепринятой системы в науке») — если оно существует, то психология не имеет «основы», «фундамента». Видимо, Н.Н. Ланге в датировке кризиса был точен. Ф. Brentano в «Психологии с эмпирической точки зрения» (1874) писал: «Не столько в разнообразии и широте мнений, сколько в единстве убеждений испытывает сегодня психология острую нужду. И здесь мы должны стремиться приобрести то же, чего — одни раньше, другие позже — уже достигли математика, физика, химия, физиология; нам нужно ядро признанной всеми истины, которое в процессе взаимодействия многих сил затем быстро обрстет новыми кристаллами. На место психологий мы обязаны поставить психологию» [7, С. 11]. Вероятно, под этими словами в конце второго тысячелетия могли бы подписаться многие современные научные психологи. Если принципиально ситуация не изменилась (сто с лишним лет для науки срок все же немалый), то это можно рассматривать как симптом глубокого внутреннего неблагополучия в психологии. Современные американские авторы вполне обоснованно утверждают, что «сегодня психология еще более неоднородна, чем сто лет назад, и кажется, мы как никогда далеки от того, что хоть как-нибудь напоминало бы согласие относительно характера психологии» [78, С. 33]. «В конце [XX] столетия нет никакой единой системы, никаких единых принципов для определения психологической дисциплины и ведения исследований» [78, С. 33]. «Психология... представляет собой не единую дисциплину, но собрание нескольких различных ветвей» [78, С. 33]. «Американская психология разделена на враждующие фракции» [78, С. 33].

Таким образом, нынешний кризис в психологии это кризис мировой психологической науки. В России он переживается острее в силу особенностей нашей социокультурной ситуации. Кризис психологии в конце второго тысячелетия глобален, объемен,

интернационален и многопланов. Его проявления можно усмотреть в самых разных плоскостях. Каковы же основные, наиболее существенные проявления кризиса на пороге XXI века? В чем его причины на современном этапе развития психологии?

2.2. Лики кризиса

Положение психологии на пороге третьего тысячелетия, как мы видели, никак нельзя признать благополучным. Ее современное состояние можно определить как глубокую диссоциацию (букв.: «разъединение», «разделение»). Этот термин (широко используемый ныне в разных школах психиатрии и психотерапии) точнее всего, как представляется, описывает происходящее в этой области человеческого знания. В чем проявляется эта диссоциация в современной психологии (и в мировой, и в российской)?

Во-первых, в традиционной для психологии кризисной симптоматике, когда отсутствует единый подход: нет основы, объединяющего начала. «Психологий много, нет психологии». Впервые о кризисе начали говорить в семидесятые годы XIX столетия. В первой трети XX века кризис вступил в открытую фазу, выдающиеся психологи посвятили его анализу свои труды (Л.С. Выготский, К. Бюлер, С.Л. Рубинштейн, К. Левин и др.). Кризис в истории психологии имел много «лик»: борьба между объективной и субъективной психологией, между объяснительной и понимающей, между психологией материалистической и спиритуалистической, между поведенческой и психологией сознания и т.д. В настоящий момент кризис выражается наиболее ярко в противостоянии естественнонаучного и герменевтического (гуманистического) подходов (см. подробнее [15]).

Во-вторых, в противопоставлении научной (академической) психологии и психотехник (практической психологии) (см. подробнее [9]). Психологическая практика, как это ни печально, чаще всего исходит из каких угодно теорий, но только не из концепций научной психологии. Разрыв между теорией и практикой в психологии, существовавший в двадцатые годы (о нем писал Л.С. Выготский в 1927 году), ныне углубился, превратился в глубокую пропасть — в первую очередь, по причине многократного увеличения масштабов психологической практики.

В-третьих, в разрыве между научной психологией и концепциями и техниками, ориентированными на углубленное самопознание (от мистики и эзотерических учений до современной

трансперсональной психологии и т.п.). Действительно, человеку, интересующемуся познанием «Я», ищущему свой духовный путь лучше обращаться не к научной психологической литературе. Эта «ниша» прочно оккупирована специалистами, далекими от научной психологии. В крайнем случае, литература, поэзия и философия дадут в этом отношении существенно больше, чем научные психологические труды. Критика В. Дильтеем (1894) научной психологии («в Лире, Гамлете и Макбете скрыто больше психологии, чем во всех учебниках психологии, вместе взятых»), увы, по-прежнему актуальна.

В-четвертых, в разрыве между психологией западной и восточной. Верно, что восточные учения в XX столетии стали постоянной составляющей интеллектуальной жизни цивилизации. Но на научную, академическую психологию они, практически, влияния не оказали. В значительной степени ассимилировавшая опыт восточной психологической мысли трансперсональная психология сама до сих пор остается фактически непризнанной официальной наукой.

В результате этих диссоциаций (перечень можно продолжить, существуют и другие диссоциации) «пострадавшей» стороной оказывается именно научная психология, т.к. происходит постепенное сужение пространства науки: проблемные поля «уступаются» разного рода «практическим психологам», среди которых немало откровенных шарлатанов. Таким образом, научная психология идет по пути обратному, указанному некогда создателем гуманистической психологии А. Маслоу, который предлагал психологической науке осваивать предметные области, традиционно относящиеся к сфере искусства и религии. Не вызывает энтузиазма предложение превратить психологию в психотехнику, перейти от «исследования психики» к «работе с психикой»: это превращение просто лишит психологию возможности стать в будущем фундаментальной наукой, основой наук о человеческой психике. Если воспользоваться терминологией К.Д. Ушинского, то в этом случае психология вообще перестанет быть наукой и превратится в искусство. Все же психология, каково бы ни было ее настоящее, вне сомнения, является наукой.

В конце XX столетия стало совершенно ясно, что ни одна из диссоциаций не может быть разрешена «силовым» путем, посредством «логического империализма» [15] одной из «полупсихологий», представляющих «полюса» в той или иной диссоциации. Как отмечают Л. Гарай и М. Кечке, экспансия естественнонаучной логики приводит к тому, что исследование все чаще «будет наткаться на несуразности» [15, С. 90]. «Не подает

больше надежды также и обратный прием, когда общим знаменателем двух полупсихологий объявляется не позитивистская логика естественных наук, а, согласно новой моде, герменевтическая логика исторических наук. На язык этой последней ничего невозможно перевести из всего богатства открытий, сделанных за долгую историю естественнонаучной психологии, особенно касающихся связи психологических феноменов, с одной стороны, и стратегии живого организма, направленной на его выживание, с другой» [15, С. 91].

Другой возможный ход, который представляется естественным в сложившейся ситуации, также не внушает оптимизма: если существуют диссоциации, должен быть «запущен» механизм интеграции. Но, как это убедительно показали еще Л.С. Выготский и С.Л. Рубинштейн, «синтез» разнородного путем механического «сложения» обычно не осуществляется: для этого необходимы особые условия. К таким условиям, на наш взгляд, в первую очередь необходимо отнести пересмотр понимания предмета психологической науки. Все отмеченные выше диссоциации имеют одну причину — слишком узкое, ограниченное понимание предмета психологии.

Представляется, что сейчас вряд ли найдется более актуальная и насущная проблема: кризис, который в настоящее время охватил нашу психологию, вряд ли исчезнет сам по себе. Для этого требуется методологическая работа. И «первым пунктом» в этой работе должно быть уточнение понимания предмета психологической науки.

Сейчас, когда отечественная психология стремительно меняется, пытаясь ассимилировать достижения зарубежной науки, от которых по известным причинам в течение многих лет была изолирована, важно обратить внимание на то обстоятельство, что предмет психологии как науки неоднороден и многоступенчат.

2.3. Научная психология: несколько страниц из *curriculum vitae*

Хорошо известно, что до середины XIX столетия психология развивалась в основном в рамках философии и естествознания. Во второй половине прошлого века психология выделяется в самостоятельную дисциплину: именно с этого времени идет отсчет истории научной психологии. Дифференциация научного знания привела к рождению еще одной науки. Создатели научной психологии — в первую очередь, немецкий физиолог Вильгельм Вундт, которому по праву принадлежит титул «отца-основателя», —

полагали, что подлинно научная психология (физиологическая) должна быть естественной наукой. Собственно говоря, в этом отношении В. Вундт был последовательным проводником и «реализатором» программы, негативно заданной еще Кантом. Здесь нет возможности обсуждать «двойную» программу И. Канта (в основном, в форме критики психологии), раскрывающую взгляды выдающегося философа на условия существования психологии и потенциальной возможности ее развития как эмпирической дисциплины (подробно см. об этом [36, С. 137-181]). Отметим только, что иного и быть не могло. Выделение какой-либо области знания и ее структурирование происходит обыкновенно по какому-то известному образцу. Для Канта таковым являлись естественные науки, сделавшие впечатляющие успехи благодаря торжеству экспериментального метода. В рамках умозрительной философской психологии издавна предпринимались попытки построения ментальной физики или психической химии.

Первый психолог, который попытался преобразовать психологическое знание в подлинную науку, покоящуюся на достаточно прочных основаниях (в духе фихтеанского наукоучения), Иоганн Герbart мыслил психологию как механику (статику и динамику духа), основанную на метафизике, математике и опыте [17].

Распространение дарвинизма (Г. Спенсер и др.) и исследований по физиологии мозга, новое понимание взаимоотношений организма и среды (К. Бернар и др.) ведут к возникновению еще одной естественнонаучной модели, которой начинает подражать становящаяся наука. Временами возникает впечатление, что при становлении научной психологии — как бы в духе известного биогенетического закона — последовательно опробуются «предшествующие» модели обоснования научного знания: механические, физические, химические, биологические. Арсенал естественных наук используется для попыток обоснования новой науки — психологии. И нарождающаяся психология «проходит» «положенные» эмбриональные стадии, воспроизводя ходы, предпринимавшиеся наукой о природе для изучения своих объектов. Но сразу становится ясно, что этих средств недостаточно, чтобы охватить мир человеческой души. Действительно, в психологии (по большому счету, т.е. во *всей* психологии) объект иного рода: от методов естествознания он таинственным образом ускользает. Создатель научной психологии В. Вундт, чьей целью было ограничить «новую область в науке» — физиологическую психологию — прекрасно понимает, что физиологическая психология это далеко не *вся* психология. Вся психология «занимает

среднее место между естественными и гуманитарными науками» [10, С. 4].

Вся психология подразделяется на физиологическую (она же, будучи определена по методу, экспериментальная, хотя и использует в качестве основного метод самонаблюдения) и психологию народов. Во второй составляющей *всей* психологии не может применяться ни эксперимент, ни самонаблюдение. Вспомним, что девятнадцатый век по праву называют веком историзма. Во второй психологии — исторической, культурной, психологии народов — используется исторический метод анализа продуктов «духовной деятельности». Отметим, что разделение между психологиями у Вундта было, так сказать, «топологическим»: элементарные явления изучаются самонаблюдением (при помощи эксперимента), сложные так исследоваться не могут. Это, следует заметить, при том, что, согласно Вундту, «всякое проявление человеческого духа имеет конечную причину элементарные явления внутреннего опыта» [10, С. 4]. Рассмотрим, к примеру, как может исследоваться человеческое мышление (сложное психическое явление). Метод «точного самонаблюдения» отвергается как «мнимый» [11, С. 118]. «В противоположность этому схоластическому методу можно считать за правило как в психологии, так и во всякой другой науке, что сложные явления понять нельзя, если мы предварительно не ознакомимся с простыми явлениями, которые предполагаются сложными. Согласно с этим общие явления течения простых процессов в сознании, как мы в наиболее наглядной форме и в то же время при наиболее простых условиях наблюдали их в сочетании и сравнении рядов тактов, дают нам наиболее общие предварительные условия, которые должны быть рассматриваемы, как определяющие, и для бесконечно более сложных мыслительных процессов. Само собой разумеется, что эти формальные условия всех процессов сознания еще недостаточны для того, чтобы дать отчет относительно особых свойств и явлений развития и мышления. Для этого мы должны скорее же обратиться к самому этому развитию, как оно представлено в документах словесного выражения мыслей на различных ступенях развития сознания» [11, С. 118-119]. «Ближайшее рассмотрение этого предмета однако выводит нас из области индивидуальной психологии в область психологии народов, одну из значительных частей которой представляет собою история развития языка» [11, С. 120]. Таким образом, мы видим, что в психологии народов доминирующим является исторический метод. При всех его очевидных достоинствах стоит отметить, что его возможности были все же сильно преувеличены. Очень хорошо об этом сказал А.Н. Уайтхед: «Девятнадцатое столетие преувеличило

силу исторического метода и предполагало само собой разумеющимся, что каждое свойство необходимо изучать только в его эмбриональной стадии. Так, например, «любовь» изучалась среди дикарей и под конец среди идиотов» [66, С. 9].

Итак, у В. Вундта вполне оформилось представление о психологии как естественной науке (в отношении физиологической психологии). Это достаточно важный момент. Вундт, которому принадлежит честь выделения психологии из философии в самостоятельную науку, был против разрыва психологии с философией. В одной из поздних работ В. Вундт настаивал на том, что психология все же является философской наукой [12].

Здесь следует сделать важное замечание. Естественнонаучная ориентация возникающей научной психологии не подлежит сомнению. В силу ряда причин (среди которых в первую очередь можно упомянуть кантовский «химический» стандарт — см. об этом [36, С. 150-151]) научная психология заявила о себе как о дисциплине атомистической, элементаристской и конструктивной. Такая позиция, в полной мере реализованная В. Вундтом, практически сразу же вызвала резкие возражения. Сторонником целостной ориентации выступил Ф. Brentano [91]. Принцип целостности отчетливо просматривался за интенциональностью сознания, который отстаивал Ф. Brentano. Другой важной особенностью психологии, исходившей из естественнонаучной ориентации, был психофизиологический параллелизм. Параллелистическая позиция потребовалась для того, чтобы обеспечить выделение из философии (физиологическая психология оказывалась «параллельной» «настоящей науке» — физиологии, только изучала явления с «другой» — психологической — стороны; по логике В. Вундта, это давало физиологической психологии право считаться самостоятельной научной дисциплиной — подробно см. об этом [36]). И элементаризм, и приверженность доктрине психофизиологического параллелизма, как представляется, не были «обязательными требованиями» естественнонаучной ориентации. Так, например, гештальтпсихология — одно из самых ярких направлений в психологии первой трети XX века, будучи последовательным сторонником естественного подхода (гештальтисты ориентировались на образцы физического знания), совершили попытку отказа от элементаризма, заменив его принципом целостности, и, по сути, от психофизиологического параллелизма, использовав принцип изоморфизма). Другой взгляд на психологию (во многом противоречащий вундтовскому) был сформулирован В. Дильтейем [22]. Вундтовской психологии, которую Дильтей определял как объясняющую,

конструктивную, он противопоставил описательную, расчленяющую, понимающую. О дильтеевской психологии написано очень много, что избавляет от ее подробного представления. Но, к сожалению, очень часто возникают недоразумения. Достаточно распространена, к примеру, точка зрения, согласно которой: «В психологии Дильтея достигает своего предельного выражения дуализм низшего и высшего, отчетливо выступивший уже у Вундта, — это метафизическое разделение психологии на два этажа, или, как писал Л.С. Выготский, «на две науки — физиологическую, естественнонаучную или каузальную психологию, с одной стороны, и «понижающую», описательную или теологическую психологию духа как основу всех гуманитарных наук, с другой» [27, С. 318]. То, что справедливо для психологии Вундта, не является таковым для Дильтея. Различие между объяснительной и описательной (понижающей, расчленяющей) для Дильтея чисто *методологическое*: один или другой подход может быть распространен на *всю* психологию. За объяснительной психологией признается право на существование, но ее значение невелико. Характеристика описательной психологии хорошо известна. «Под описательной психологией я разумею изображение единообразно проявляющихся во всякой развитой человеческой душевной жизни составных частей и связей, объединяющихся в одну единую связь, которая не примышляется и не выводится, а переживается. Таким образом, этого рода психология представляет собою описание и анализ связи, которая дана нам изначально и всегда в виде самой жизни. Она изображает эту связь внутренней жизни в некоторого рода типическом человеке. Она пользуется всяким возможным вспомогательным средством для разрешения своей задачи. Но значение ее в шкале наук основывается именно на том, что всякая связь, к которой она обращается, может быть однозначно удостоверена внутренним восприятием, и каждая такая связь может быть показана как член объемлющей ее, в свою очередь, более широкой связи, которая не выводится путем умозаключения, а изначально дана» [22, С. 28]. «Первейшим отличием наук о духе от естественных служит то, что в последних факты даются извне, при посредстве чувств, как единичные феномены, между тем как для наук о духе они непосредственно выступают изнутри, как реальность и некоторая живая связь. Отсюда следует, что в естественных науках связь природных явлений может быть дана только путем дополняющих заключений, через посредство ряда гипотез. Для наук о духе, наоборот, вытекает то последствие, что в их области в основе всегда лежит связь душевной жизни, как первоначально данное. Природу мы объясняем, душевную жизнь мы

постигаем. Во внутреннем опыте даны также процессы воздействия, связи в одно целое функций как отдельных членов душевной жизни. Переживаемый комплекс тут является первичным, различие отдельных членов его — дело уже последующего. Этим обуславливается весьма значительное различие методов, с помощью которых мы изучаем душевную жизнь, историю и общество от тех, благодаря коим достигается познание природы» [22, С. 16]. «Итак, необходима и возможна психология, кладущая в основу своего развития описательный и аналитический метод, и лишь во вторую очередь применяющая объяснительные конструкции, причем она сознает наличие положенных им пределов и применяет эти конструкции так, что такие гипотезы не являются, в свою очередь, основанием для дальнейших гипотетических объяснений. Она будет основанием наук о духе, подобно тому как математика — основа естествознания» [22, С. 89].

Противоречия, глубинный конфликт между естественнонаучной трактовкой психического и герменевтической понимающей психологией, основания которой были сформулированы Дильтеем, были отчетливо осознаны научным сообществом уже в период «открытого кризиса» в психологии (1910-1930 гг.). Правда, этот конфликт существенно маскировался тем, что велась «война всех против всех»: объективная психология полемизировала с субъективной, психология сознания с психологией поведения, материалистическая с идеалистической и т.д. и т.п. Но этой оппозиции — естественнонаучной и герменевтической психологии — была суждена особая судьба.

2.4. Предмет психологии: необходим «новый взгляд»

Предмет психологии, помимо главной функции — конституирования соответствующей научной области — должен выполнять другие важные функции и иметь определенные характеристики.

Во-первых, он должен выполнять роль «операционального стола» (М. Фуко), который бы позволял реально соотносить результаты исследований, выполненных в разных подходах и научных школах.

Во-вторых, он все же должен не быть «искусственно» сконструированным, а существовать реально, для того, чтобы быть *предметом* науки в подлинном смысле слова.

В-третьих, он должен быть внутренне достаточно сложным, чтобы содержать в себе сущностное, позволяющее выявлять собственные законы существования и развития, а не сводить внутренне «простое» психическое к чему-то внешнеположному, делая абсолютно неизбежной редукцию психического. Отсюда следует, что необходимы теоретические исследования по проблеме предмета (таким образом, речь идет о содержательной методологии психологической науки [36]). Заметим, что в отечественной психологии издавна существовала традиция именно содержательной методологии на исторической основе (Н.Н. Ланге, В.Н. Ивановский, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн и др.). В более поздний период эти проблемы интенсивно разрабатывались К.А. Абульхановой [1, 3], А.В. Брушлинским [8], Б.Ф. Ломовым [35] и др.

В-четвертых, понимание предмета должно быть таково, чтобы позволить разрабатывать науку по собственной логике, не сводя развертывание психологических содержаний к чуждой для психологии логике естественного или герменевтического знания.

Итак, можно констатировать, что трактовка и понимание предмета психологической науки в настоящее время нуждаются в пересмотре, т.к. не выполняют необходимых функций и не позволяют психологии стать фундаментальной научной дисциплиной, которой она должна стать в соответствии со своим местом в структуре научного знания.

2.5. Сакраментальные вопросы: в поисках ответов

Отечественная история убедительно свидетельствует, что русскому национальному характеру важно сформулировать сакраментальные «вечные» вопросы: «Кто виноват?», «Что делать?» и «С чего начать?». Правда, история не менее убедительна в том, что получить адекватные ответы на эти вопросы для нас почему-то куда менее важно, чем их задать. Впрочем, также хорошо известно, что «история никогда никого ничему не учит». Тем не менее, зададим их, эти сакраментальные вопросы. И попытаемся на них ответить.

2.5.1. Кто виноват?

На этот вопрос возможен точный и однозначный ответ в «общем виде»: виновата та логика, которую использовали для становления и первоначального развития научной психологии. Психология, как хорошо известно, стала выделяться из философии значительно позднее других научных дисциплин. При ее становлении были опробованы пути, которыми шли (достаточно успешно, если не

сказать – победоносно) естественные науки. В истории психологии многократно и обстоятельно проанализирована роль Декарта и Локка в формировании основ психологии нового времени [20], [56], [60], [61] и мн. др. Вместе с тем представляется, что несколько недооценено влияние Канта на формирование конкретного облика научной психологии. Обычно полагают, что роль кантианства состоит в критике рациональной психологии и метода интроспекции.

М. Дессуар справедливо замечает, что «фигура Канта не представляется историку психологии такой значительной и возвышающейся над всеми другими как историку каждой другой философской дисциплины» [20, С. 115]. И. Кант, разумеется, не был психологом.

Вместе с тем, по-видимому, нельзя утверждать, что «система Канта глубоко антипсихологична» [56, С. 66]. Кант был одним из первых методологов психологии, а методология (в этом, несомненно, проявились особенности самого Канта как личности) приняла форму критики.

Кантовская критика рациональной психологии в известной мере предопределила дальнейшее развитие психологии как эмпирической науки. «Рациональная психология как доктрина, расширяющая наше самопознание, не существует; она возможна только как дисциплина, устанавливающая спекулятивному разуму в этой области ненарушение границы, с одной стороны, чтобы мы не бросились в объятия бездушного материализма, а с другой стороны, чтобы мы не заблудились в спиритуализме, лишенном основания в нашей жизни...» [28, С. 382]. В другой работе Кант настаивает на необходимости различения Я как субъекта и Я как объекта. «О Я в первом значении (о субъекте апперцепции), о логическом Я как априорном представлении, больше решительно ничего нельзя узнать — ни что оно за сущность, ни какой оно природы» [29, С. 191]. «Я во втором значении (как субъект перцепции), психологическое Я как эмпирическое сознание, доступно разнообразному познанию...» [29, С. 191-192]. Кант рисует перспективы эмпирической психологии: «Подтверждением и примером этого может служить всякое внутреннее, психологическое наблюдение, сделанное нами; для этого требуется, хотя это связано с некоторыми трудностями, воздействовать на внутреннее чувство посредством внимания (ведь мысли, как фактические определения способности представления, также входят в эмпирическое представление о нашем состоянии), чтобы получить прежде всего в созерцании самого себя знание о том, что дает нам внутреннее чувство; это созерцание дает нам представление о нас самих, как мы себе являемся; логическое же Я

хотя и указывает субъект существующим сам по себе в чистом сознании, не как восприимчивость, а как чистую спонтанность, но не способно ни к какому познанию своей природы» [29, С. 192].

Авторитет Канта был велик, рациональная психология была сокрушена. Дальнейшее развитие психологии как эмпирической науки было предопределено. В этом плане нельзя пройти мимо одного замечания Канта, имевшего для будущего психологии несомненное методологическое значение. В предисловии к «Антропологии» (1798) Кант отмечает, что «учение, касающееся знания человека и изложенное в систематическом виде (антропология), может быть представлено с точки зрения или физиологической, или прагматической» [29, С. 351]. Фактически, здесь речь идет об основаниях эмпирической науки. Хотя о связи психологии и физиологии мозга говорили многие, именно Кант дал ясное обоснование возможности выделения научной дисциплины. Герbart в своей «Психологии» рассмотрел такую возможность, но отверг, ибо физиология в начале XIX столетия не располагала необходимыми данными. И хотя Кант строит свою антропологию как прагматическую, возможность систематического изложения антропологии (и, следовательно, психологии как частной науки, раздела антропологии) с точки зрения физиологической остается «освященной» кантовским авторитетом.

Психология (эмпирическая) могла рассматриваться (и рассматривалась Кантом) как часть антропологии, а следовательно, «перенос» «логики обоснования» на психологию является достаточно правомерным. Именно эту возможность использовал в свое время Вундт, который сознательно решал задачу выделения физиологической психологии как самостоятельной научной дисциплины. В этом отношении современная научная психология является «законной наследницей» вундтовской физиологической психологии.

Можно полагать, что судьбу психологии во многом предопределили кантовские слова, представлявшиеся психологам следующих поколений обязательными методологическими требованиями к психологии, если она захочет быть наукой. Действительно, создается устойчивое впечатление, что многие психологи принимали кантовский «вызов», стараясь с удивительным упорством решать именно эти две задачи: экспериментировать и вычислять. Кант пишет в «Метафизических началах естествознания» (1786): «эмпирическое учение о душе должно всегда оставаться далеким от ранга науки о природе в собственном смысле, прежде всего потому, что математика неприменима к явлениям внутреннего чувства и к их законам... Но даже в качестве систематического

искусства анализа или в качестве экспериментального учения учение о душе не может когда-либо приблизиться к химии, поскольку многообразие внутреннего наблюдения может здесь быть расчленено лишь мысленно и никогда не способно сохраняться в виде обособленных [элементов], вновь соединяемых по усмотрению; еще менее поддается нашим заранее намеченным опытам другой мыслящий субъект, не говоря уже о том, что наблюдение само по себе изменяет и искажает состояние наблюдаемого предмета. Учение о душе никогда не может поэтому стать чем-то большим, чем историческое учение и – как таковое в меру возможности — систематическое учение о природе внутреннего чувства, т.е. описание природы души, но не наукой о душе, даже не психологическим экспериментальным учением» [29, С. 60]. Кантовские слова оказали огромное влияние на последующее развитие психологии. Одни к ним прислушивались и безоговорочно соглашались. Другие пытались «отвоевать» позиции: Гербарт был убежден, что психология становится наукой потому, что начинает использовать математику (в отношении эксперимента, Кант, конечно же, прав). С кантовской критикой вынужден был считаться и В. Вундт. И, возможно, именно кантовские утверждения заставляли Вундта направлять энергию психологов-экспериментаторов на фиксацию «элементов», о которых говорил Кант. И Кант может считаться «вдохновителем» элементаризма и атомизма новой экспериментальной (интроспективной) психологии. Кант, таким образом, «негативно» задал направление развития психологической науки.

Итак, «психология никогда не станет наукой в собственном смысле слова, т.к. нельзя ни приложить математику к явлениям и процессам сознания, ни воздействовать экспериментально на душу других» [20, С. 126]. Есть основания говорить о своего рода «двойной программе» И. Канта применительно к психологии. Первая программа — кантовская критика возможности психологии стать естественной наукой, содержащая формулировку условий, при которых она может приблизиться к идеалу естественной науки, вторая — возможность обоснования психологии посредством физиологии. Эта двойная программа составила методологическую задачу, над которой трудились несколько поколений психологов первой половины XIX столетия, поскольку кроме критики содержала и «положительный» эскиз научной эмпирической психологии. В. Вундт, осуществляя историческую миссию выделения психологии из философии твердо следовал именно кантовской «программе».

В. Дильтей, шедший скорее за Гегелем, нежели за Кантом, реализовал другую логику. В гегелевском подходе кроме историзма присутствовала идея целостности. Ведь и Brentano, и, позднее, Дильтей протестовали главным образом против «атомизма» (Brentano) и конструктивизма (Дильтей) вундтовской психологии. Они очень хорошо понимали, что к такому сложному предмету, каковым является психика, возможны различные подходы. Поэтому ни Brentano, ни Дильтей вовсе не были «радикалами», «ниспровергателями», требовавшими замены одной психологии на другую (скажем, Дильтей признавал сосуществование объяснительной и описательной психологий).

Очень важен другой аспект проблемы: какая психология окажется общей психологией? Это — главная проблема любой методологии психологии. Она очень волновала Л.С. Выготского — свое знаменитое методологическое исследование он начинает с обсуждения именно этого вопроса. До него важность этого прекрасно понял Н.Н. Ланге — кризис для него означал отсутствие общей науки: «Ныне общей, то есть общепризнанной, системы в нашей науке не существует» [33, С. 72].

2.5.2. Что делать?

Представители других дисциплин обвиняют современную психологию в постыдном равнодушии к собственной судьбе: «Поражает какая-то принципиальная узость в обсуждении психологических концепций, идей, подходов (конечно, когда такие обсуждения вообще бывают). Складывается впечатление, что психология не только глубоко равнодушна к общей методологии и философии науки, но и остальной науке вообще. Она не только не смотрит в зеркало методологии и философии, она не хочет вообще смотреться ни в какие «зеркала» других научных дисциплин, соотносить себя с общенаучным движением и развитием научной мысли XX в. Наука, которая одним из своих разделов считает учение о рефлексии, кажется полностью отказывается от попыток отрефлексировать свои основания, методы, программы и результаты» [55, С. 25]. К сожалению, в этих словах очень много правды.

Ответ на вопрос, вынесенный в название раздела, дал Л.С. Выготский в 1927 году: разрабатывать методологию. В противном случае результаты огромного количества эмпирических исследований, проводимых в психологии, рискуют превратиться из «монбланов фактов» в «кучу сырого фактического материала». Л.С. Выготский в свое время заметил: «Какая будет эта методология

и скоро ли она будет, мы не знаем...» [13, С. 422-423]. К сожалению, не знаем этого и мы много лет спустя. Можно попытаться лишь высказать некоторые предварительные соображения на этот счет. В последние годы заметно выраженное стремление некоторых психологов свести методологию психологии к описанию конкретных процедур планирования, проведения эмпирического исследования и статистической обработки полученных результатов. Под эмпирическим исследованием имеются в виду преимущественно эксперимент и квазиэксперимент. В результате методология психологии как науки оказывается методологией экспериментальной психологии. Признавая ведущую роль метода эксперимента в современной психологической науке, мы, тем не менее, не склонны соглашаться с подобной трактовкой. Возражения против такого понимания методологии коренятся в глубоком убеждении, что психология не может столь безоговорочно принимать модель, сформировавшуюся в естественных науках. По сути, сведение методологии к чисто техническим вопросам планирования и осуществления экспериментального исследования (при всей несомненной важности этих вопросов) на деле означает признание «окончательной решенности» вопроса о предмете научной психологии и фактический отказ не только от дальнейшего его исследования, но даже и от обсуждения. Такая позиция представляется роковой ошибкой. Нельзя исключить того варианта, что научная психология еще не нашла своего подлинного предмета.

Поскольку такая вероятность существует, первая задача методологии состоит в научной проработке комплекса проблем, связанных с исследованиями (в том числе и теоретическими, что в современной психологии, будем честными, большая редкость) по предмету психологии.

При этом, несомненно, должен быть учтен опыт разработки содержательной методологии психологии на исторической основе (Н.Н. Ланге, В.Н. Ивановский, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн и др.). Это по-видимому должна быть методология на исторической основе, плюралистическая, свободная от идеологии, ориентированная не только на задачи познания, но и на практику [97], [40], [37].

Можно предположить, что в ней должны быть представлены познавательный, коммуникативный и практический блоки (см. подробнее [97]). Важно, чтобы эта новая методология давала возможность максимально широкого понимания предмета. Это необходимо в первую очередь для того, чтобы появилась возможность реального, а не декларативного соотнесения полученного в разных подходах.

В настоящее время часто можно видеть достаточно легкомысленное отношение к методологии. В исследованиях, выполненных в других методологических традициях, психологи склонны видеть все что угодно, только не методологические открытия. История психологии дает множество свидетельств, что за работами А. Адлера, К. Юнга, А. Маслоу и др. современники с готовностью и с легкостью признают те или иные конкретные достижения, но стараются «не замечать» в них «ростки» новой методологии. Методологии, которая жизненно необходима нашей науке. Без такой методологии невозможно приблизиться к решению проблемы соотношения психологической науки и жизни, поставленной В. Дильтеем в конце прошлого столетия. Проблема до сих пор не нашла решения — сейчас, на пороге XXI века, ее разрешение становится одним из основных условий существования научной психологии.

2.5.3. С чего начать?

С чего начать? С разработки нового подхода к пониманию предмета психологической науки. С обнаружения в истории психологии способов понимания предмета более соответствующих задачам сегодняшнего дня.

В конце XX столетия стало очевидно, что современной психологии предстоит проделать «работу понимания», обращенную на свой предмет. Как справедливо указывает В.В. Знаков, «проблема понимания оказывается как бы на стыке двух направлений в науке: анализа гносеологического отношения ученого к объекту познания и изучения методологических принципов отдельных наук, определяющих своеобразие присущих каждой из них способов понимания предмета исследования» [26, С. 35-36]. Второе направление оказывается сегодня для научной психологии имеющим первоочередную значимость. Нельзя не согласиться также с тем, что понимание является необходимым условием коммуникации ученых [26, С. 35].

Обращение внимания на проблему предмета позволит осуществить следующий шаг: разработку новой методологии психологии, которая была бы ориентирована не только на познание, но и на коммуникацию, и на практику (о познавательной, коммуникативной и практической методологии см. подробнее [97]).

Выше уже упоминалось, что понимание предмета в современной научной психологии, к сожалению, не отвечает актуальным задачам этой науки. Сложившееся понимание, конечно, достаточно для продолжения исследований в рамках традиционно

сложившихся подходов, школ и научных направлений, но оно принципиально недостаточно для выхода за «пределы». Особенно стоит подчеркнуть, что такое традиционное понимание практически делает невозможным осуществление интеграции в современной психологической науке.

Что имеется в виду под новым пониманием предмета? Основные характеристики нового понимания «негативно» заданы, т.к. они вытекают из сформулированных выше недостатков традиционного понимания. Таким образом, ясно, каким понимание не должно быть.

А каким оно должно быть и возможно ли сегодня такое вообще? Вероятно, да. Во всяком случае в истории психологической мысли можно увидеть несколько подходов, которые приблизились к такому пониманию (столь необходимому для сегодняшней науки). Правда, для того, чтобы их «заметить» необходимо: 1) критически отнестись к старому пониманию; 2) увидеть методологическое значение нового понимания. И первое, и второе, как показывает жизнь, вовсе не так просто осуществить. Несомненно, одним из наиболее разработанных вариантов нетрадиционного понимания предмета является подход, сформулированный в аналитической психологии К.Г. Юнга [80-85], [39], [43] и др. Прежде всего должна быть отмечена попытка Юнга вернуть в науку психическое как реальность. «Чтобы правильно понять теорию Юнга, мы должны прежде всего принять его точку зрения, согласно которой все психические явления совершенно реальны. Как ни странно, эта точка зрения относительно нова» [87, С. 388].

Магия психической реальности оказалась настолько сильной, что переводчик книги И. Якоби [87] на русский язык интерпретирует юнговский термин *Psyche* (психэ, психика) как психическую субстанцию. Речь у Юнга о психике как субстанции все же не идет. Но трактовка психического как реальности, несомненно существующей и составляющей предмет изучения психологии, очень важна. «Что касается Юнга, то для него психическая субстанция (психика — В.М.) так же реальна, как и тело. Будучи неосязаемой, она, тем не менее, непосредственно переживается; ее проявления можно наблюдать. Психическая субстанция — это особый мир со своими законами, структурой и средствами выражения» [87, С. 388].

К.Г. Юнг отказывается от попыток соотношения психического и физиологического, психического и биологического для того, чтобы сосредоточиться на исследовании психики как таковой: «... я посоветовал бы ограничиться психологической областью без каких либо допущений о природе биологических процессов, лежащих в их

основании. Вероятно, придет день, когда биолог и не только он, но и физиолог протянут руку психологу и встретятся с ним в туннеле, который они взялись копать с разных сторон горы неизвестного» [81, С. 91]. «Психика вполне заслуживает того, чтобы к ней относились как к самостоятельному феномену; нет оснований считать ее эпифеноменом, хотя она может зависеть от работы мозга. Это было бы так же неверно, как считать жизнь эпифеноменом химии углеродных соединений» [95, р.8]. Психология обретает свой собственный предмет (психика для Юнга не свойство другой вещи!), то, что реально может исследоваться с помощью вполне «рациональных» методов. Другое дело, что эти методы не похожи на традиционные процедуры расчленения содержаний сознания на элементы (достаточно сравнить амплификативный метод Юнга и традиционную интроспекцию). «С помощью своего основного определения психики как «целокупности всех психических процессов, сознательных и бессознательных», Юнг намеревался очертить зону интересов аналитической психологии, которая отличалась бы от философии, биологии, теологии и психологии, ограниченных изучением либо инстинкта, либо поведения. Отчасти тавтологический характер определения подчеркивает обособление проблемы психологичностью исследования» [64, С. 116]. Таким образом, психология возвращается к соблюдению знаменитого шпрангеровского «*psychologica — psychological*» — требования объяснять психическое психическим. Принципиально важно утверждение об объективности психического: психика «феномен, а не произвол» [81, С. 100]. «Психология должна ограничиваться естественной феноменологией, раз уж ей не велено вторгаться в другие области. Констатация психической феноменологии вовсе не такая простая вещь, как о том свидетельствует наш пример этой общераспространенной иллюзии произвольности психического процесса» [81, С. 100-101]. «Сама психика преэксистентна и трансцендентна по отношению к сознанию» [81, С. 101]. Трудно переоценить значение отказа от понимания психического как механизма, состоящего из постоянных элементов. Взгляд на психологию радикально изменится, если мы «постараемся рассматривать душу (психэ — В.М.) не как твердую и неизменную систему, а как подвижную и текучую деятельность, которая изменяется с калейдоскопической быстротой...» [82, С. 33-34].

Юнговская психология предпочитает работать с целостностями: «Аналитическая или, как ее еще называют, комплексная психология отличается от экспериментальной психологии тем, что не пытается изолировать отдельные функции (функции восприятия, эмоциональные явления, процессы мышления

и т.д), а также подчинить условия эксперимента исследовательским целям; напротив, она занята естественно происходящим и целостным психическим явлением, т.е. максимально комплексным образованием, даже если оно может быть разложено на более простые, частичные комплексы путем критического исследования. Однако эти части все-таки очень сложны и представляют собой в общем и целом темные для познания предметы. Отвага нашей психологии — оперировать такими неизвестными величинами была бы заносчивостью, если бы высшая необходимость не требовала существования такой психологии и не подавала ей руку помощи» [81, С. 101]. Обращение к анализу сложнейших психических феноменов требует и изменения методов исследования: «Отличие аналитической психологии от любого прежнего воззрения состоит в том, что она не пренебрегает иметь дело с наисложнейшими и очень запутанными процессами. Другое отличие заключается в методике и способе работы нашей науки. У нас нет лаборатории со сложной аппаратурой. Наша лаборатория — это мир.

Наши опыты — это действительно события каждодневной человеческой жизни, а испытуемые — наши пациенты, ученики, приверженцы и враги и, last not least, мы сами» [81, С. 102]. Согласно основным положениям юнговской «общей психологии»:

- 1) психическое — далеко не гомогенное образование; напротив, это кипящий котел противоположных импульсов, запретов, аффектов и т.д.;
- 2) психическое — чрезвычайно сложное явление, поэтому на современном этапе исчерпывающая теория невозможна;
- 3) психическое имеет свою структуру, динамику, что позволяет описывать и изучать собственно психологические законы;
- 4) источник движения психики в самой психике — она сложна — поэтому психология вполне может обойтись без той или иной формы редукции психического;
- 5) можно говорить о психической энергии;
- 6) психическое представляет собой целостность;
- 7) объяснение психического не сводится лишь к причинному объяснению (синхронистичность как акаузальный принцип);
- 8) разработаны свои, особые методы (например, синтетический, амплификации и т.д.);
- 9) важная роль отводится построению типологий, позволяющих сохранять «специфику» рассматриваемых явлений;

10) в юнговском подходе по-иному понимается роль теории: она скорее инструмент анализа, чем формализованная система (иными словами, в этом случае достигается единство теории и метода).

Как легко увидеть, понимание предмета у Юнга таково, что позволяет избежать «диссоциаций», неизбежных при «узкой» трактовке предмета. «Наше намерение — наилучшее постижение жизни, какой она предстает душе человека. Все, чему мы научаемся при таком понимании, не должно — я искренне на это надеюсь — окаменеть в форме интеллектуальной теории, но должно стать инструментом, который будет закаляться (благодаря практическому применению), чтобы, насколько это возможно, достичь своей цели. Его предназначение — как можно лучшее приспособление к управлению человеческой жизнью...» [81, С. 102].

Хотелось бы специально подчеркнуть, что сам Юнг хорошо понимал, что он создает основы новой психологии, новой общей психологии (в смысле Л.С. Выготского – см. «Исторический смысл психологического кризиса» [13]), а не разрабатывает частные вопросы: «Свои суждения и концепции я рассматриваю как опыт построения новой научной психологии, основанной прежде всего на непосредственном опыте общения с людьми. Мое учение нельзя назвать разновидностью психопатологии; это скорее общая психология с элементами патологии» [80, С. 387].

Разумеется, дело не в том, чтобы «заменить» традиционное представление о предмете, сформировавшееся в академической науке, парадигмой аналитической психологии. Автор настоящих строк отнюдь не хотел бы «заставить» всю психологию стать аналитической психологией, развивающей идеи К.Г. Юнга. Эти положения приведены лишь для того, чтобы показать принципиальную возможность иного понимания предмета психологической науки. Разрабатывать методологию (да и пытаться создавать собственно теорию психического современной психологии предстоит самостоятельно).

2.6. Психология: в плену чужих парадигм («чужая колея»)

В последние годы как отечественные, так и зарубежные психологи уделяют повышенное внимание осмыслению оснований психологической науки. При этом большинство авторов предпочитает квалифицировать ситуацию в психологии как

кризисную. Для этого вполне достаточно оснований. Не будем сейчас останавливаться на диагнозах кризиса. Существует богатая традиция диагностики: начиная с Brentano (1874) многими авторами (включая Н.Н. Ланге, Л.С. Выготского, К. Бюлера, С.Л. Рубинштейна, К. Левина и мн. др.) предпринимались попытки поставить диагноз аномалиям в психологической науке. Все это хорошо известно, поэтому не станем здесь на этих вопросах останавливаться. Аналогичные попытки предпринимаются и многими современными отечественными авторами. Анализ и сопоставление сформулированных диагнозов потребовали бы значительного увеличения объема настоящей работы (хотя, заметим в скобках, вопрос представляется чрезвычайно увлекательным). Поэтому здесь мы ограничимся обсуждением лишь одного аспекта проблемы.

Многими авторами, анализирующими методологические основания психологии, давно и охотно используется понятие «парадигма». Введенное в философию науки Томасом Куном, понятие парадигма приобрело чрезвычайно широкую популярность в психологии. Хотя, нужно признать, разные авторы используют этот термин существенно по-разному. В недавно опубликованной (и, заметим, очень интересной) работе А.В. Юревича «Системный кризис психологии» дается анализ использования термина парадигма современными психологами. А.В. Юревич выделяет три основные позиции, отмечая, что методологическое самоопределение психологии «как правило, строится на использовании куновского понятия «парадигма», получившего в ней куда более широкое распространение, чем все прочие методологические категории, такие как исследовательская программа (И. Лакатос), тема (Дж. Холтон), исследовательская традиция (Л. Лаудан) и др. В результате применения к психологии соответствующего понятийного аппарата сформировались три позиции относительно ее методологического статуса, порождающие три различных видения ее состояния и перспектив» [86, С. 4]. Заметим, что столь различное внимание к вышеперечисленным методологическим категориям, на наш взгляд, легко объяснимо: с методологическим уровнем, который характеризуется, в частности, понятием «парадигма», связаны наиболее острые проблемы современной психологии — не удивительно, что психологи обращаются в первую очередь к понятиям этого уровня: как именно должна строиться научная психология для того, чтобы считаться полноценной наукой?

Итак, могут быть выделены три позиции [86, С. 4]. Согласно первой, психология — допарадигмальная область знания, т.к. настоящая парадигма в психологии еще не сформировалась. В

соответствии со второй, психология мультипарадигмальная наука, т.к. в ней сложилось несколько парадигм (бихевиоризм, когнитивизм, психоанализ и т.д.). И, наконец, согласно третьей позиции, психология является внепарадигмальной областью знания, т.к. понятие парадигма, сформированное на основе анализа истории естествознания, вообще неприменимо к психологии. Отметим, что, по А.В. Юревичу, необходимо различать метатеории, парадигмы, социодигмы, метадигмы. В соответствии с таким различием, автором выделяются как собственно парадигмы позитивистская и гуманистическая. Не анализируя здесь интересную концепцию А.В. Юревича в целом, отметим, что, вероятно, более перспективным подходом является выделение естественнонаучной и герменевтической парадигм (о двух «полупсихологиях» пишут Л. Гарай и М. Кечке [15]). Внутри естественнонаучной парадигмы могут быть выделены различные ориентации (механические, физические, химические, биологические, генетические, биогенетические и т.д.). Разделение всей психологии на позитивистскую и гуманистическую представляется не вполне оправданным, т.к. в этом случае придется отнести к позитивистской психологии и те направления в психологической науке, которые имели явную антипозитивистскую направленность (хотя нельзя не признать, что «позитивистско-гуманистическая» и «естественнонаучно-герменевтическая» оппозиции во многом совпадают).

Парадигма в современной философии науки обозначает совокупность убеждений, ценностей и технических средств, принятых научным сообществом и обеспечивающих существование научной традиции [74]. «В связи с критикой неопределенности термина парадигма Кун в дальнейшем эксплицировал его значение посредством дисциплинарной матрицы, учитывающего, во-первых, принадлежность ученого к определенной дисциплине и, во-вторых, систему правил их научной деятельности. Наборы предписаний парадигмы состоят из символических обобщений (законов и определения некоторых терминов теории); метафизических элементов, задающих способ видения универсума и его онтологию; ценностных установок, влияющих на выбор направлений исследования, и, наконец, «общепринятых образцов» — схем решения конкретных задач («головоломок»), обеспечивающих функционирование «нормальной науки» [74, С. 227].

Согласно Л. Гарай и М. Кечке, для современной психологии характерно противостояние двух основных полупсихологий: естественнонаучной и герменевтической. «Психология находится в уникальном положении, так как линия раскола проходит как раз по

ее корпусу, рассекая его на две полунауки: считающая себя одной из естественных наук, применяющая их позитивистскую методологию «объясняющая психология» — и помещаемая среди исторических наук, орудующая их герменевтической методологией «понимающая психология» [15, С. 92]. Венгерские авторы отмечают: «А ведь сомнения в том, является ли позитивистский метод естественных наук подходящим для всестороннего изучения человека, не новы. Известны соображения, которые побудили Дильтея противопоставить гуманитарную (*geisteswissenschaftliche*) психологию естественнонаучной (*naturwissenschaftliche*). Ключевым является, например, соображение, которое Дильтей сформулировал следующим образом: «Первое решающее условие для того, чтобы гуманитарная наука была возможной, заключается в том, что и я сам являюсь историческим существом, что тот, кто исследует историю идентичен тому, кто ее творит»... Мы приписываем этому соображению фундаментальное значение, потому что, например, Гадамер... сделал из него вывод, согласно которому опыт о социальном мире не может быть превращен в науку посредством индуктивного метода естественных наук» [15, С. 87]. Знаменателен вывод, к которому приходят венгерские психологи: «но пока психологическое исследование будет претендовать на роль естественнонаучного, оно то и дело будет наткаться на несуразности. Однако из этого не следует, что психологию невозможно построить как научную. Возможно, она научна, но по нормам других, нежели естественных, наук. Вот почему нужно рассматривать как несчастье для этой науки, что ее служители получают свои дипломы (по крайней мере в венгерских университетах, но думается нам, что не только) без малейшего представления о той, отличной от естественнонаучной, логике, которой пользуются науки исторические, лингвистические, литературные, юридические, моральные и которая так же многообещающим образом может быть применена к решению определенных проблем психологии, как и логика естественных наук. Мы считаем этот пробел несчастьем для психологии потому, что с ним связан ее распад на две полунауки и затяжные попытки воссоздать единство способом навязывания естественнонаучной логики рассуждениям в области другой полупсихологии» [15, С. 90-91]. «Не подает больше надежды также и обратный прием, когда общим знаменателем двух полупсихологий объявляется не позитивистская логика естественных наук, а, согласно новой моде, герменевтическая логика исторических наук. На язык этой последней ничего невозможно перевести из всего богатства открытий, сделанных за долгую историю естественнонаучной

психологии, особенно касающихся связи психологических феноменов, с одной стороны, и стратегии живого организма, направленной на его выживание, с другой» [15, С. 91].

Итак, на протяжении длительного времени конфликт между парадигмами выступал в разных обличьях. Дело в том, что одна и та же парадигма в истории психологии могла воплощаться (точнее, могла порождать, т.к. это основная функция парадигмы — продуцировать концепции) в разные концепции. Достаточно обратиться к учебнику по истории психологии, чтобы обнаружить противоречия между психологией материалистической и спиритуалистической, объективной и субъективной, объясняющей и понимающей, психологией сознания и психологией поведения и т.п.

В конце XX столетия отчетливо представляется, что в качестве основных парадигм, определяющих сегодня лицо психологической науки все же выступают две — естественнонаучная и герменевтическая.

Основные черты естественнонаучной парадигмы, которая в свое время конституировала научную психологию, по-видимому, могут быть сведены к следующему: 1) психология имеет объект исследования и научный предмет, аналогичные объектам и предметам естественной науки; 2) предмет психологии (так же, как и в любой естественной науке) подлежит объяснению; 3) в психологии должно использоваться причинно-следственное объяснение; 4) в психологии предполагается явная или неявная редукция, т.е. сведение психического к непсихическому; 5) в психологии применимы общие схемы исследования разработанные в естественных науках (структурный, функциональный, процессуальный, генетический, уровневый или их определенные сочетания).

Отметим, что некоторые характеристики, которые обычно считаются признаками естественнонаучного подхода в психологии — атомизм, элементаризм, конструктивность (в дильтеевском смысле), склонность к психофизиологическим объяснениям и т.п., по-видимому, не входят в ядро парадигмы. Поэтому целесообразно в дополнение к парадигмальным характеристикам использовать понятие ориентации исследования, имея в виду элементаристскую или целостную ориентации.

Герменевтическая парадигма в психологии предполагает, что психология имеет иной объект, качественно отличный от объектов естественных наук. Поэтому объяснения, предполагающие редукцию в той или иной форме в психологии неприменимы. Вместо объяснения должны использоваться описания, важное место в герменевтической парадигме принадлежит типологиям.

Подробный анализ герменевтической парадигмы потребовал бы значительного увеличения объема книги, поэтому не будем его здесь предпринимать. Отметим лишь, что такого рода методологический анализ – актуальнейшая задача современной психологической науки.

Как же соотносятся эти парадигмы? На самых ранних этапах имела место прямая конфронтация — открытое противопоставление по принципу «или-или» (хотя, нужно заметить, что такие авторы как В. Дильтей, Г. Мюнстерберг имели достаточно «мягкие» позиции, признавая право на существование и «другой» психологии. Экстремистами, как это часто бывает, были последователи). Затем наступает период «логического империализма» (Л. Гараи, М. Кечке) — попытки распространить логику одной из «полупсихологий» на всю психологию. К большим успехам это не привело (по образному выражению Л. Гараи и М. Кечке, это приводит к многочисленным «несуразностям»). Попытки прямого «синтеза» успеха также не имели, поскольку в этом случае объединение может быть лишь декларативным. Напомним, что различие между парадигмами чисто методологическое, поэтому поделить «сферы влияния» (скажем, низшие функции — одной, высшие — другой) не представляется возможным. В этом случае предпринимается более тонкий, более «современный» способ. Для исследования выбирается такая единица, которая непосредственно не относится ни к одной, ни к другой сфере. Примером может послужить цитированная выше работа венгерских психологов. «Производство истолковывалось будапештской исследовательской группой как интегративный принцип, без которого гуманитарные науки были бы обречены на вечные попытки выводить либо культуру из природы человека, либо образцы повседневного поведения из человеческого духа. А это увековечило бы раскол между объясняющей и понимающей гуманитарными науками» [15, С. 91].

Сами Л. Гараи и М. Кечке видят выход из сложившейся ситуации, которую именуют «шизофренией психологии», в обращении к работам Л.С. Выготского: «В последнее время возникли некоторые признаки того, что психология найдет излечение от своей шизофрении не ценой логического империализма той или другой из двух полунаук. Самым ярким из этих признаков является то особое внимание, с которым за десять последних лет западная научная общественность обращается к теории Выготского» [15, С. 91]. Согласно венгерским авторам, «сама деятельность имеет два в одинаковой степени важных аспекта: объект, на который она направлена, и субъект этой деятельности. Объект деятельности трактуется в рамках логики естественных наук,

субъект деятельности определяется в таких интеракциях, о которых... было показано, что они определяются в логике исторических наук» [15, С. 94].

Другие авторы (например, М. Коул) видят выход в соединении в рамках одного исследования идеографических и номотетических методов. Примером, согласно Коулу, может служить романтическая психология А.Р. Лурии [93]. Сходную точку зрения, в которой подчеркивалась первичность целостного описания, формулировал в свое время А. Маслоу [44].

По нашему мнению, разрешение конфликта между естественнонаучной и герменевтической парадигмами возможно только при обращении к более широкому, чем традиционное, пониманию психического (см. об этом [36, С. 37-70]).

В последнее время появляются попытки преобразовать психологию на новой основе. Появляются иные парадигмы. В юбилейном номере журнала «Вопросы психологии» (посвященном 100-летию со дня рождения Л.С. Выготского) помещена чрезвычайно интересная статья Ф.Е. Василюка [9]. Название этой статьи — «Методологический смысл психологического схизиса». Схизис, расщепление психологии трактуется Ф.Е. Василюком как характеристика современного ее состояния в нашей стране: «К сожалению, приходится диагностировать не кризис, но схизис нашей психологии, ее расщепление. Психологическая практика и психологическая наука живут параллельной жизнью как две субличности диссоциированной личности...» [9, С. 26]. Ф.Е. Василюк подчеркивает, что «наиболее опасное, что консервирует всю ситуацию и в первую очередь нуждается в исправлении, состоит в том, что ни исследователи, ни сами практики не видят научного, теоретического, методологического значения практики. А между тем для психологии сейчас нет ничего теоретичнее хорошей практики» [9, С. 27].

Главная мысль вышеупомянутой статьи состоит в том, что «наиболее актуальными и целительными для нашей психологии являются психотехнические исследования, что их значение вовсе не сводится к разработке эффективных методов и приемов влияния на человеческое сознание, но состоит прежде всего в выработке общепсихологической методологии» [9, С. 27].

Не вдаваясь в обсуждение этой глубокой и интересной статьи, отметим, что с последним тезисом согласиться нельзя. На наш взгляд, это может привести лишь к ликвидации психологии как науки, какой она, вне сомнения, все же является. Если схизис будет ликвидирован такой ценой, то, право, это будет просто заменой на более привычное русскому уху звучание (ср. «схизо» в названии

известной болезни, где речь так же идет о расщеплении). никоим образом не подвергая сомнению важности занятий разнообразными видами психологической практики, выскажем опасения, что, на наш взгляд, с общепсихологически методологическим значением практики дело обстоит не так просто. Прежде всего констатируем, что лозунг «от исследования психики к работе с психикой», в принципе, не является новым. Об этом более двадцати лет тому назад неоднократно говорил известный отечественный методолог Г.П. Щедровицкий. Психотехнические «мотивы» в творчестве Л.С. Выготского обнаруживал, как известно, А.А. Пузырей. Впрочем, дело, конечно, не в этом. Перенос акцента с исследования психики на работу с психикой приводит на самом деле к тому, что утрачиваются научные критерии исследования. В результате все подходы к работе с психикой как бы становятся «равноправными»: и психотерапия, и коррекция биополей, и снятие порчи, «сглаза» и т.д. становятся процедурами принципиально рядоположными. Во-вторых, подобное изменение акцента, похоже, закрывает дорогу перед исследованием психического как оно есть. Такое исследование, хотя его и не так просто осуществить, все же возможно (во всяком случае, история психологии убедительно свидетельствует, что это иногда случается). В-третьих, хорошо известно, что когда с чем-то работаешь (тем более, если это психика), очень легко получить артефакт. Поэтому в данном случае, скорее, исследуется не сам объект, а то, что при определенных условиях из него можно получить. Это, конечно, объект определенным образом характеризует, но в этом случае всегда существует опасность смешения «существенного» и не вполне существенного (см. известный этюд классика о стакане). Критерии во многом задаются «техникой».

При всей заманчивости психотехнического подхода (во избежание недоразумений еще раз повторим, что автор не против подхода, но против его методологического значения для общей психологии), видимо, не следует надеяться, что он явится панацеей. Ф.Е. Василюк пишет: «В отечественной психологии мы находим прекрасный образец реализованного психотехнического подхода. Это теория поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина. Без специального методологического анализа, уже чисто стилистически очевидна психотехническая суть этой теории: не теория мышления, не теория умственных действий, но именно теория формирования, т.е. теория работы с психикой, а не самой психики» [9, С. 32]. Здесь все абсолютно верно. Действительно, с психикой можно работать подобным образом. Но что мы отсюда узнаем о самой психике? Что она может выполнять функцию

ориентировки? Для практики это, наверное, хорошо, но для теории (тем более, для методологии) этого все же мало (хотя бы потому, что совершенно ясно: в любом случае психика не только ориентировка).

Впрочем, еще в прошлом столетии К.Д. Ушинский, ратовавший за психологию, очень верно заметил в «Педагогической антропологии»: «Ничто так не обнаруживает односторонности теории, как ее приложение к практическим целям». Может быть, дело в психологических теориях? Решение практических вопросов предполагает работу с целостным объектом, практика объектна. Наука — и в этом ее сила — предметна, что позволяет, используя идеальные объекты, строить теории предмета. Таким образом, научные и практические знания о «человекомерных» (выражаясь языком философов) системах весьма различны. Мощная составляющая современной практически ориентированной психологии — разного рода психотерапевтические процедуры, предполагающие работу с целостной личностью (или с группой личностей). И консультативная работа — это работа с целостной личностью. И мы ошибемся, если будем предполагать, что теоретической основой различных психопрактик являются психологические теории, принадлежащие к достойной всяческого уважения академической науке. Скорее будет правильно, отдавая дань веку постмодернизма, определить эту основу как мифологию, точнее, мифологии, потому что они столь же многообразны, как и сами психотехники. Собственно, этот разрыв между практикой и психологической теорией существовал давно: еще Л.С. Выготский в 1927 году иронизировал относительно трудноприменимости эйдетической редукции Эдмунда Гуссерля к отбору вагоновожатых.

Интенсивная практика (а сейчас мы имеем дело с «ренессансом» психологии в сфере образования) делает эти проблемы более острыми и потому более явными. Практика находит «свою» теорию. Очевидно, что чаще всего это не научная психология. Иногда теоретическая работа в практических направлениях очень интересна (как например, в НЛП) и может быть объектом специального анализа [36]. Важно здесь подчеркнуть следующее. Разрыв психологической науки и практики свидетельствует — и это очень важно — об явном неблагополучии в самой научной психологии. Игнорировать эти симптомы по меньшей мере недальновидно. Несомненно, разрыв между психологической наукой и психологической практикой сегодня существует. Но что стоит за этим разрывом? Могут ли быть вскрыты глубинные причины этого разрыва? По нашему мнению, причина все та же — слишком узкое понимание предмета научной психологией.

Другим подходом, который заявляет о себе как о возможной новой парадигме психологической науки, является синергетика. В.Ю. Крылов назвал ее психосинергетикой [32]. Синергетика представляет собой междисциплинарное научное направление, возникшее в начале 70-х гг. текущего столетия. Сам термин введен Г. Хакеном, немецким физиком. Другое направление в синергетике связано с именем И.Р. Пригожина, Нобелевского лауреата, известного физикохимика — т.н. теория диссипативных (неравновесных) структур. Пафос данного направления в том, что предпринимается попытка описания общих закономерностей, лежащих в основе процессов самоорганизации в системах различной природы (физических, химических, социальных, биологических, экономических и т.д.). «Синергетика направлена на раскрытие универсальных механизмов самоорганизации сложных систем, как природных, так и человекомерных, в том числе когнитивных» [31, С. 4]. Особенный интерес вызывают попытки применить синергетику к психологии. Может ли синергетика претендовать на то, чтобы явиться новой психологической парадигмой? Не имея возможности здесь обсуждать специфику синергетического подхода к решению собственно психологических проблем (что, несомненно, представляет значительный интерес), остановимся на самых принципиальных моментах.

Разумеется, очень заманчиво разработать общую универсальную модель, которая была бы свободна от специфики предметного знания. Преимущества формальных построений были проанализированы еще Кантом. В.Ю. Крылов отмечал: «...нелинейные эффекты в психологических системах (имеющих аналогии в других дисциплинах) в точности описываются соответствующими моделями, взятыми из физики, химии, биологии и др.» [32, С. 60]. Является ли синергетика общей фундаментальной теорией? По-видимому, нет. К синергетике полностью приложима критика диалектики, осуществленная Карлом Поппером. (По отношению к диалектике критика, на наш взгляд, не является полностью справедливой). К. Поппер писал о диалектике: «интерпретация истории мышления может быть вполне удовлетворительной и добавляет некоторые ценные моменты к интерпретации мышления в терминах проб и ошибок» [52, С. 120]. Эти слова К. Поппера сказанные в адрес диалектики полностью можно отнести на счет синергетики. Она является не фундаментальной, но просто описательной теорией. Она полезна, когда мы имеем совершившийся процесс. Для того, чтобы, скажем, использовать концепцию аттракторов, нужно иметь представление о всех возможных путях ее развития. Вряд ли стоит говорить,

насколько сложен этот вопрос для психологического изучения. Нельзя не согласиться с В.Ю. Крыловым: «Конечно, все сказанное о смене путей развития в точках неустойчивости предполагает наличие у системы свойства многовариантности путей развития. В связи с этим, важнейшей задачей нелинейного подхода в изучении развития психологических систем является выявление различных возможных для систем путей развития в данных внешних условиях» [32, С. 61]. Нельзя также не согласиться с другим тезисом В.Ю. Крылова, согласно которому «важнейшей задачей является выявление таких специфических нелинейных психологических систем, которые не имеют и не могут иметь аналогов среди систем более простой природы. Изучение таких систем, пожалуй, и должно составить наиболее важную часть нелинейной психологии. Сейчас же отметим только, что примером таких систем являются системы, обладающие развитыми языковыми средствами» [32, С. 60].

Очень важным, на наш взгляд, является положение, сформулированное В.Ю. Крыловым, согласно которому для психолога очень важно исследовать объект в его естественном спонтанном состоянии и развитии: «Метод такого изучения должен радикально отличаться от метода стимул-реакция, а именно, система должна помещаться в те или иные естественные для не внешние условия, где наблюдается и фиксируется ее спонтанное поведение в данных условиях» [32, С. 61]. Важность этого положения трудно переоценить, т.к. такого рода методы позволяют получать не артефакты, а, напротив, данные о «невынужденном», естественном поведении объекта.

Сложность психологических объектов привела, однако, к тому, что элементарные линейные модели остались далеко в прошлом, на заре научной психологии (классический ассоцианизм, радикальный бихевиоризм). В психологии XX века распространение получили структурно-уровневые концепции (см. об этом [59]). Наличие различных уровней и возможность межуровневых переходов, использование рефлексивных стратегий субъекта ставит перед синергетикой пока что неразрешимые проблемы. Особенно важно подчеркнуть, что в самой психологии, в наиболее продуктивных психологических концепциях накоплен материал (который нуждается в анализе и методолого-психологическом осмыслении), позволяющий по-новому (и не упрощая!) сформулировать представления о целостности (холизме), телеологии и т.д., которые пытаются ввести синергетический подход. Как отмечают сами сторонники синергетики, «по всей вероятности, пока еще рано говорить о философии синергетики, а равным образом и о синергетике познания, т.е. о синергетическом видении когнитивных

процессов, как об общепринятых и в достаточной мере разработанных» [31, С. 218].

Таким образом, на современном этапе синергетика пока не может претендовать на то, чтобы явиться новой полноценной парадигмой психологии.

Все же психология может рассчитывать на преодоление кризиса и конфликта между различными парадигмами. Для этого, на наш взгляд, необходимы внутренние преобразования внутри самой психологии. В первую очередь требуется новое, более широкое понимание самого предмета психологии. Одним из примеров (не единственным!) может служить трактовка психического в аналитической психологии К.Г. Юнга.

Часть вторая: ПСИХОЛОГИЯ 2001 ГОДА

3. На пути к новому психологизму

Если у кого-то создалось впечатление, что настоящая работа призывает современную психологию вернуться «назад к Юнгу», то автор должен сделать вывод: его поняли неправильно. Как сказал замечательный русский писатель М.А. Булгаков, вложив свой выстраданный жизненный вывод в уста «трижды романтического» Мастера: «Вообще не бывает так, чтобы все стало, как было». Так действительно не бывает. В нашем случае это и не нужно. «Воспоминаний о будущем» не будет. Пример аналитической психологии был приведен лишь для иллюстрации того, что психология вполне может отказаться от некоторых допущений, недостаточная продуктивность и перспективность которых вполне доказана самим историческим путем научной психологии. Но необходимую методологическую работу современной психологии придется проводить здесь и сейчас, самостоятельно, ибо готовых решений нет, «позаимствовать» их просто негде. Повторим, речь идет только о некоторых идеях, которые имеют чисто методологическое значение. Не более того.

В рамках одной небольшой по объему работы, конечно, невозможно назвать все (или хотя бы многие) «ростки нового», которые можно увидеть в психологии уходящего века. Юнговские конструктивные идеи, о которых было сказано выше, естественно, лишь один из возможных примеров. Их число, несомненно, можно умножить: число «степеней свободы» для развития психологии нового века чрезвычайно велико.

Ярким примером психологии, устремленной в будущее, бесспорно, может послужить субъектно-деятельностный подход, успешно разрабатываемый в последние десятилетия в отечественной психологии (К.А. Абульханова, А.В. Брушлинский и др.). Один из итогов XX века состоит, по-видимому, в том, что психология — чтобы избежать артефактов, которых в психологии получено предостаточно, — должна вновь обратиться к изучению «естественного» объекта исследования. Психология должна изучать свой объект в его естественном состоянии. Принцип активного самодеятельного субъекта, действующего свободно, может претендовать на то, чтобы быть одним из принципов психологии

будущего. Вышесказанное, в частности, означает, что к методу лабораторного эксперимента в психологии (по схеме: воздействие стимулов — прослеживание реакций) стоит относиться, по меньшей мере, с осторожностью. Во всяком случае абсолютизация результатов, полученных таким способом, вряд ли разумна. Психика может быть уподоблена зеркалу (вспомним классика, который в своем трактате о историческом смысле кризиса в психологии продуктивно использовал эту метафору): что покажешь, то в зеркале и увидишь. Вопрос в другом: неужели мы по-прежнему хотим убедиться в наличии этого фундаментального закона? Если нас интересует что-то другое, стратегию, похоже, стоит изменить. В качестве иллюстрации можно привести как работы того же Юнга (в этом смысле изучать сновидения и спонтанные фантазии субъекта продуктивнее, чем вызванные, спровоцированные реакции субъекта), так и, к примеру, известные работы Д.Б. Богоявленской по изучению творческой активности, интеллектуальной инициативы. Число примеров можно было бы умножить. Понятно, что еще в большей степени сказанное относится к «формированию» психического. Ни в коей мере не отрицая значение подобного формирования для практики, обратим внимание, что методологическое и общепсихологическое значение формирующих методов переоценивать не следует.

Несомненно, для будущего психологии чрезвычайно важное значение имеют работы Б.Г. Ананьева и его последователей. Исследования Б.Г. Ананьева наглядно продемонстрировали преимущества комплексного, междисциплинарного подхода к проблеме человека, во многом позволили психологии действительно стать наукой о человеке во всей его сложности и многогранности. Антропологизм как принцип построения психологической науки позволил по иному взглянуть на сам предмет психологии. В концепции Б.Г. Ананьева предмет психологии предстает как многоуровневая системная организация психики [4]. К сказанному добавим лишь, что можно согласиться с констатацией А.А. Крылова: «Идея психологии как науки о человеке, где психическое есть суть человека и человеческого общества в интеграции с историей человечества и развитием Вселенной, явственно прозвучала в 1968 г. с выходом в свет книги Б.Г. Ананьева «Человек как предмет познания» [54, С. 17].

Другим несомненным «ростком будущего» является проникновение в научную психологию идеи духовного измерения психики (В.Д. Шадриков, В.А. Пономаренко и др.). Так В.Д. Шадриков вводит важное понятие «духовные способности»: «свойства человека, развившиеся на базе биологических, природных

и связанные с созданием и освоением духовных творений, будем называть духовными способностями» [76, С. 3].

Методы объяснения психического также нуждаются в переосмыслении. По-видимому, на пороге XXI века становится ясно, что редукция как единственный способ понимания психического малоперспективна (или, по крайней мере, не может оставаться единственным способом). В этом можно согласиться с представителями герменевтического направления в психологии: описание, типологии, поиски проясняющих аналогий представляются более конструктивным подходом, оставляющим надежды на постижение психического во всей его полноте. В качестве примера можно привести амплификацию (по тому же Юнгу) или метод целостного жизнеописания, который использовался в гуманистической психологии (в частности, А. Маслоу).

Список характеристик, уточняющих новую психологическую парадигму — парадигму XXI века, легко можно было бы продолжить. Они без труда выводятся из базовых положений. Дело не в них (вернее, не столько в них). Главное, на наш взгляд, относится к будущему, но будущему ближайшему. Первоочередной задачей является пересмотр понимания предмета психологии. Новый широкий взгляд на психику позволит преодолеть кризис психологии. Кризис существует в сознании научных психологов, которые рассматривают предмет своей науки. Возможно, уже в следующем, 2001 году базовой моделью для построения общей психологии станет трансперсональное представление о психическом. Его можно рассматривать как вариант глобальной и широкой модели, в которую могут быть «вписаны» практически все более частные. Но, пока этого не произошло, мы должны по возможности расширить размеры «операционального стола» (М. Фуко). Это означает, кроме всего прочего, ориентацию на сотрудничество, взаимодействие, созидание, что вполне соответствует ожиданиям в преддверии миллениума. Как ни удивительно, убедительные демонстрации принципиальной возможности подобной ориентации в психологии уже давно существуют. К примеру, их можно обнаружить в известных работах К. Уилбера по трансперсональной психологии, выполненных еще в 80-е годы [67]. В истории психологии, еще раз повторим, можно найти другие попытки преодолеть названные выше «конструктивные дефекты» традиционной трактовки предмета (достаточно вспомнить работы Л.С. Выготского). Представляется, что иное понимание предмета психологической науки может эти перспективы открыть. Новое понимание предмета должно явиться

основой для разработки новой методологии психологии: содержательной, на исторической основе, допускающей плюрализм, деидеологизированной, ориентированной не только на исследование, но и на практику. Принципиально важно, что у психологии возникнет возможность покинуть, наконец, путь эмбриона (а пока психология лишь пытается воспроизводить естественнонаучные, либо герменевтические логические схемы), «чужую колею», и пойти по собственному пути (в соответствии с реальной сложностью собственного предмета). В этом случае постановка проблемы изменится, ибо не будет нужды выводить психологию из естественнонаучной, либо герменевтической логики, но станет возможно соотносить с ними как равноправного «партнера», который имеет свою собственную логику развития. Тогда науки о психическом, возможно, составят особый класс научных дисциплин со своей логикой и своими методами. Тогда окажется возможным внутри психологии соединить, соотнести достижения как естественнонаучной психологии, как понимающей, герменевтической, так и гуманистической, и трансперсональной. Для этого также необходима новая, коммуникативная методология психологии [97]. Вероятно, тогда и сбудется тот прогноз, согласно которому психология должна иметь особое положение среди других наук: при определенных условиях она действительно может служить основой для наук о духе. Научная психология на рубеже третьего тысячелетия должна создать новую методологию. Цели психологии были хорошо известны еще Иоганну Гербарту, первому психологу, захотевшему сделать психологию подлинной наукой: «Скажем только, что психология не должна превращаться в художественное описание. Она должна не удивлять, но объяснять, не показывать редкости, но сделать для всех понятным человека, каков он есть, не вознося его на небеса и не приковывая совершенно к земле, и не замечать пути своего исследования, но открывать его» [17, с.103].

4. О философии психологии

Если возможен подход, следующий требованию Шпрангера объяснять психическое через психическое, то систему психологии следует выстраивать исходя из базового психологического понятия Psyche (психика, «психэ»). В этом случае решение очень многих вопросов должно начинаться с определения способа понимания предмета психологии. Традиционно эти вопросы относились к сфере методологии психологии. В отечественной науке методология традиционно понималась как раздел психологии, призванный

содержательно решать наиболее фундаментальные вопросы. Такое представление складывалось в работах Н.Н. Ланге, В.Н. Ивановского, Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна. Такого рода подход развивается в работах К.А. Абульхановой-Славской. Согласно К.А. Абульхановой-Славской, «роль методологии заключается не только в указании на то, что должна исследовать данная наука, но и в выработке таких способов, которые кратчайшим путем вели бы познание к выявлению сущности данного круга явлений. Речь идет о выработке типичных для данной науки способов добывания новых знаний, способов раскрытия закономерностей данного круга явлений. Функция методологии заключается прежде всего в *определении предмета исследования* (курсив мой — В.М.) науки, в данном случае психологии» [3, С. 318]. Методология не составляет предмета психологии, но на ее основе предмет выделяется. К.А. Абульханова-Славская приходит к важному выводу, согласно которому развитие конкретной методологии науки не произвольный, а диктуемый самим ходом развития науки процесс. Различение предмета и объекта психологии, на котором настаивает автор, позволяет избежать противоречий и ошибок: «В отличие от объекта науки, предмет научного исследования есть логическая категория научного познания, результат или продукт абстрагирующей деятельности научного исследования» [3, с.320]. С точки зрения К.А. Абульхановой-Славской, в основу методолого-психологических разработок должен быть положен принцип детерминизма в понимании, восходящему к работам С.Л. Рубинштейна: «Общий анализ объекта психологии с позиции философии отмечает двойственность психических явлений, которая заключается в том, что они одновременно принадлежат к явлениям сознания и бытия (не только в его природных, но и в его общественных формах). Выполняя общую функцию объединения отдельных методологических принципов психологии, принцип детерминизма ликвидирует пропасть между областью сознания, вообще психического, и областью бытия, обнаруживая на разных уровнях общий принцип взаимодействия внешних и внутренних условий» [3, с. 331].

Методология психологии ныне не слишком популярна. Это происходит несмотря на то, что в конце XX века в психологии наличие острого методологического кризиса не является очевидным разве что для безудержного оптимиста. Тем не менее, с одной стороны, не прекращаются попытки «свести» методологию к совокупности «технических» процедур, связанных с планированием, организацией, проведением и обработкой результатов экспериментального (квазиэкспериментального) исследования. С

другой, заметна тенденция ограничить методологические вопросы психологии анализом формальных схем объяснения (см. подробнее [36], [40]).

Отчасти это связано с историей развития психологии в нашей стране в двадцатые-восьмидесятые годы, когда методология оказалась в прямой и непосредственной зависимости от идеологии. Как хорошо известно, такая зависимость должна была хотя бы быть «обозначенной». В этом отношении можно привести в качестве примера глубокие исследования известного советского методолога Э.Г. Юдина. Он (вслед за В.А. Лекторским и В.С. Швыревым) выделяет четыре уровня методологии: философский, уровень общенаучных принципов и форм исследования, уровень конкретно-научной методологии и уровень методики и техники исследования. В частности, высший уровень образует философская методология. Ее содержание составляют общие принципы познания и категориальный строй науки в целом. «Очевидно, что эта сфера методологии представляет собой философское знание и, следовательно, разрабатывается специфическими для философии методами. Вместе с тем она не существует в виде какого-то особого раздела философии: методологические функции выполняет вся система философского знания» [79, С. 41]. Как отмечал Э.Г. Юдин, «одной из кардинальных методологических проблем, возникающих в этой связи, является определение специфики различных сфер познания, в особенности специфики гуманитарного познания в сравнении с естественнонаучным. Эта специфика объясняется, в частности, фактом непосредственного участия в гуманитарном познании классовых, партийных установок исследователя, его ценностных ориентаций, а также необходимостью учитывать и давать соответствующую интерпретацию сложной структуре целесообразной человеческой деятельности и ее результатам» [79, С. 41].

Вероятно, одна из причин утраты интереса к методологии кроется в том, что методология для многих ассоциируется именно с философским уровнем, который, как уже упоминалось, в силу известных причин имел «идеологическую» составляющую. «Ликвидация» марксизма-ленинизма как «обязательной» философии привела к фактической «самоликвидации» философской методологии. Конечно, о былой классовости и партийности исследователя никто кроме отставных идеологов особенно жалеть не будет. Но философской методологии, которая бы реально исследовала вопросы, связанные со спецификой познания в области наук гуманитарных и естественных, явно будет не хватать. Ибо почему-то без специального обсуждения полагается, что есть некая

единая общенаучная методология, созданная по образцу естественных наук. И она — эта общенаучная методология — должна прилагаться, в частности, к психологии. А это вовсе не очевидно. Более того, весь недолгий путь развития научной психологии свидетельствует, что психологии необходим свой путь. Она же — научная психология — до сих пор пыталась идти «путем эмбриона», т.е. воспроизводя логику развития естественных наук (выделившихся из философии раньше всего), а затем пытаясь пойти по пути, указанному историческими науками. Теперь, когда накоплен вековой опыт следования «чужой колее», не приведший, будем честными, к ожидавшимся результатам, может быть, пора попробовать строить психологию на собственной методологической основе? До сих пор еще не было предпринято масштабных попыток строить психологию как особую отрасль научного знания, имеющую выраженное своеобразие своего предмета. Карл Юнг по этому поводу заметил: «Порой мне даже кажется, что психология еще не осознала объемности своих задач, а также сложной, запутанной природы своего предмета: собственно «души», психического, *psyche*. Мы еще только начинаем более или менее ясно осознавать тот факт, что нечто, понимаемое нами как психическое, является объектом научного исследования» [84, С. 12-13]. У психологии свой путь, отличный и от пути естественных, и от пути герменевтических дисциплин. У психологии свое Дао... Впрочем, это специальная тема.

В последнее время узость нашей психологии — научной психологии — стала совершенно очевидной. В качестве средства, позволившего бы «расшить» узкие места, приобрести более широкий взгляд, многим современным авторам видится некая надстройка над научной психологией, особая психологическая дисциплина, призванная решить накопившиеся вопросы. Достояния внимания попытка мэтров отечественной психологии — А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского конституировать новую психологическую дисциплину. Это, по мысли авторов, теоретическая психология. «Предмет теоретической психологии — саморефлексия психологической науки, выявляющая ее категориальный строй (протопсихологические, базисные, метапсихологические, экстрапсихологические категории), объяснительные принципы (детерминизм, системность, развитие), ключевые проблемы, возникающие на историческом пути развития психологии (психофизическая, психофизиологическая, психогностическая и др.), а также само психологическое познание как особый род деятельности» [49, С. 10].

Важность подобного рода поисков трудно переоценить. Авторами разработана категориальная система психологии (включающая двадцать четыре основные категории). А.В. Петровский, В.А. Петровский и М.Г. Ярошевский выделяют протопсихологические категории (организм, потребность, реакция, сигнал, различение, аффективность), базисные психологические категории (индивид, мотив, действие, образ, отношение, переживание), метапсихологические категории (Я, ценность, деятельность, сознание, общение, чувство), экстрапсихологические категории (личность, идеал, активность, логос, соучастование, смысл) [49]. Действительно, необходимость подобного рода работы очевидна. А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский несомненно правы, утверждая, что «особенностью формирования теоретической психологии является противоречие между уже сложившимися ее компонентами (категориями, принципами, проблемами) и ее непредставленностью как целостной области как системы психологических категорий» [49, С. 11]. Также нельзя не согласиться с авторами, что теоретическая психология еще только складывается: «В действительности мы имеем дело с «открытостью» этой научной отрасли для включения в нее многих новых звеньев. В этой связи целесообразно говорить об «основах теоретической психологии», имея в виду дальнейшую разработку проблематики, обеспечивающую целостность научной области» [49, С. 11]. Не вдаваясь в анализ этой интересной попытки конституировать новую отрасль психологии, заметим, что в перечне категорий психологии не находится места для понятия «психика». Это представляется не случайным, т.к. понимание психологии, развиваемое авторами, предполагает детерминизм и, как следствие, сведение в конечном счете психического к непсихическому. Не могу не отметить, что такая трактовка вызывает некоторую смутную тревогу. Ведь оказывается, что научная психология утрачивает свою специфику. А если предмет психологии не имеет своей психологической специфики (не является центральным психологическим понятием, конституирующим эту науку), то психология обречена на редукцию: никакой системный подход не сможет избавить ее от этой участи. Еще раз напомним, что Шпрингер в начале уходящего века предупреждал, что психическое следует объяснять через психическое. И для этого есть некоторые основания. Представляется, предмет психологии следует полагать таким образом, чтобы была возможность «разрабатывать психологию» не сводя ее к «вещам» более элементарным (в особенности к собственно вещам).

И, если справедливо мнение, что психология до сих пор еще не встала на тот путь, который соответствовал бы ее высокому предназначению, то, вероятно, возможен (и оправдан) следующий ход: при определении предмета идти, так сказать, не «исторически», пытаясь модифицировать предыдущие варианты понимания, сложившиеся в ходе развития науки, а «логически» (с позиции «рациональной» психологии), т.е. постараться создать модель понимания предмета с определенными характеристиками. Иными словами, это означает, что можно попытаться вначале сформулировать те «требования» к предмету, которые к нему необходимо «предъявить», для того, чтобы психология стала действительно наукой не редуцирующей психическое, а разрабатывающей свою предметную область по своей собственной логике.

На пороге нового века психологии предстоит большая методологическая работа. Для этого нужен соответствующий «инструмент» и соответствующее «рабочее пространство». Это – сфера содержательной методологии психологии, или, иными словами, *философии психологии*. Психологии остро необходима новая содержательная методология, которая могла бы направить и обосновать действия по реформированию психологической науки. Психологии необходима философия. Мудрый Уильям Джемс некогда проницательно заметил: «В настоящее время психология движется в материалистическом направлении, и в интересах ее конечных успехов ей должна быть предоставлена полная свобода двигаться в этом направлении даже теми, которые уверены, что она никогда не достигнет конечной цели, не возвратившись вспять. В одном только нельзя сомневаться: именно в том, что слившись с философией в ее целом, психологические формулы получают совершенно иное значение сравнительно с тем, какое они имели так долго, изучаясь с точки зрения абстрактной и страдающей неполнотой естественной науки, как бы ни было необходимым и неизбежным изучение психических явлений с такой временно-условной точки зрения» [21, С. 23]. Может быть XXI век создаст взамен методологии психологии более широкую и глобальную дисциплину – философию психологии, которая и выполнит эти важнейшие задачи: осмысление предмета психологической науки, обеспечение конструктивного взаимодействия альтернативных подходов внутри психологии... Не подлежит сомнению, что решение этих вопросов назрело. Впрочем, и новый век уже не за горами.

5. Коммуникативная методология: площадка для сборки

Новый век на пороге. Не подлежит сомнению, что психология в новом столетии существенно изменится. Появятся другие приоритеты, возникнут новые проблемы, изменится характер междисциплинарных связей. Возможно, сбудутся те предсказания, согласно которым XXI век будет «веком психологии» (А.Н. Леонтьев), наступит «психозойская эра» (В.И. Вернадский), «психология займет одно из важнейших мест в общей системе научного знания» (Б.Г. Ананьев). Однако, пока эти ожидания не сбылись: психология, хотя она интенсивно развивается и имеет несомненные успехи, все же по-прежнему далека от того, чтобы «занять центральное место» (Ж. Пиаже) в структуре научного знания. Вспомним известный доклад знаменитого швейцарского ученого на XVIII Международном психологическом конгрессе в Москве в августе 1966 года: «Психология занимает центральное место не только как продукт всех других наук, но и как возможный источник объяснения их формирования и развития». Пиаже отмечает, что испытывает чувство гордости по поводу того, что психология занимает ключевую позицию в системе наук. «С одной стороны, психология зависит от всех других наук и видит в психологической жизни результат психохимических, биологических, социальных, лингвистических, экономических и других факторов, которые изучаются всеми науками, занимающимися объектами внешнего мира. Но, с другой стороны, ни одна из этих наук не возможна без логико-математической координации, которая выражает структуру реальности, но овладение которой возможно только через воздействие организма на объекты, и только психология позволяет изучить эту деятельность в ее развитии» [51, с.152]. Плодотворное будущее психологии он видит в развертывании междисциплинарных связей. По прошествии 35 лет мы отчетливо видим, что ожидания великого швейцарского эпистемолога также не оправдались (во всяком случае, пока), – он явно принимал желаемое за действительное. И, видимо, существуют какие-то причины, объясняющие неоправдавшиеся экстраполяции развития психологической науки в заключительной трети уходящего века.

На наш взгляд, объяснение этого феномена может выглядеть очень просто. Во-первых, это понятное человеческое качество, свойственное всем увлеченным людям — нетерпение, т.е. острое желание достичь всего и сразу (вспомним прекрасный роман Юрия Трифонова «Нетерпение», где обстоятельно проанализирован этот феномен). Во-вторых, надежда на действие «объективных законов»

и «прогрессивных тенденций», которые «выводятся» из исторического пути, пройденного психологической наукой. Но – законы в человеческом обществе действуют, в частности, преломляясь через сознательную деятельность людей. Остановимся на этой второй причине несколько подробнее.

Обратимся к классическому руководству «Экспериментальная психология» под редакцией Поля Фресса и Жана Пиаже. В блестящем очерке «Развитие экспериментальной психологии» (напомним, французское издание вышло в 1963 году) П. Фресс отмечает, что главные трудности психологии остались позади: «В 1925 году К. Мерчисон опубликовал том «Психология за 1925 год» («Psychologies of 1925»), пять лет спустя вышел в свет том «Психология за 1930 год» («Psychologies of 1930»). Однако больше эта блестящая серия, в которой крупные ученые излагали свои собственные концепции психологии, не выходила. Почему?

Малая история может сослаться на второстепенные причины, но большая история сохранит в памяти только то, что вследствие установления в Германии гитлеровского режима произошла встреча двух миров мысли и исследований: мира Германии и Англии, с одной стороны, и мира Америки – с другой. Эта встреча ускорила процесс унификации психологии, продолжающийся на наших глазах» [71, С. 80]. «1930 год. Совсем недавно умер Титченер. В Берлине по-прежнему процветала гештальтистская школа. Фрейд еще жил и работал в Вене, а в Америке необихевиоризм, исходя из революции, совершенной Уотсоном, старался превратить психологию в науку, не искажая при этом действительности. Существовала не одна психология, а множество психологий. Совсем иной была картина десять лет спустя, когда разразилась вторая мировая война. Коффка, Вертгеймер, Левин, Келер жили уже в Америке и опубликовали там на английском языке свои основные труды. Фрейд и многие его ученики также переехали в Англию или Америку. И эти течения мысли встретились с англосаксонским эмпиризмом к их взаимной пользе» [71, С. 80].

Не случайно этот раздел очерка называется очень оптимистично: «К единству психологии при разнообразии проблем». Оставим без комментариев известный «америкоцентризм» французского психолога, отметим лишь то, что он явно поторопился: вывод, согласно которому, «экспериментальная психология обрела ныне свое единство» [71, С. 89], оказался преждевременным. Обещанное единство не наступило. Фресс отмечает: «Если практически достигнуто согласие в отношении предмета психологии и ее основных методов, то мы констатируем также, что ныне не существует столь глубоких

расхождений и между такими крупными системами интерпретации, как ассоцианизм, гештальттеория и функционализм. История психологии – это теперь история ее крупных проблем, проблем восприятия, обучения, интеллектуальных процессов и т.д.» [71, С. 91].

Вероятно, ошибка именно здесь – полагать, что основные вопросы уже решены, парадигма определена, остается заниматься решением задач-головоломок (если использовать известную терминологию Т. Куна). Выше мы уже останавливались на анализе кризисного состояния психологической науки. Можно констатировать, что методологические затруднения воспроизводятся в научной психологии регулярно: как только менее актуальными становятся расхождения между школами и направлениями в психологии, так выявляются радикальные различия между парадигмами, «полупсихологиями» и т.п. Обещанного единства, увы, нет. Кризисные явления методологического характера налицо. Интегративные тенденции, явно существовавшие в шестидесятые годы, стали существенно менее выраженными. И если мы заинтересованы в интеграции психологического знания, то для этого требуется специальная целенаправленная деятельность самих психологов.

Традиционно рассмотрением этих в высшей степени сложных вопросов занималась методология психологии. Как уже отмечалось, в последние годы она явно не «в чести» у научных психологов. Возможно, кто-то из них привычно рассуждает по принципу «не говорите мне, что я должен делать, и мне не придется объяснять, куда вам следует пойти», т.е. в полном соответствии с известной теорией реактивного сопротивления личности протестует против «предписывающего», претендующего на аподиктичность характера прежней методологии, существовавшей в нашей стране в предшествующие годы. Дело доходит до призывов вообще отказаться от методологии (на том основании, что методология отождествляется с ее философским уровнем, а последний, в свою очередь, с марксизмом-ленинизмом), более «мягкие» варианты редукции методологии связаны (под явным влиянием американской психологии) со сведением ее к чисто технической дисциплине, трактующей процедуры планирования и проведения экспериментального (или квазиэкспериментального) исследования (Ф. МакГиган, Р. Кирк, Р. Готтсданкер, Р. Плутчек, Д. Шассан, А. Каздин). Есть попытки ограничить методологию важными, но отнюдь не исчерпывающими ее содержание вопросами, к примеру проблемой объяснения в психологии (Ж. Пиаже, Х. Сворт, Д. Фодор, Р. Камминс и др.). Наконец, часто высказывается мнение, что

методологические проблемы должны решаться ученым в ходе конкретного исследования, и, следовательно, методология психологии как самостоятельная концепция не нужна. По нашему мнению, методология необходима, и, в первую очередь, требуется разработка методологии психологической науки, ориентированной на коммуникацию.

Традиционный подход определяет методологию как систему «принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе» [62, С. 359]. Это же определение воспроизводится в ряде современных психологических словарей применительно к методологии психологии. Основные проблемы содержательной методологии обычно представляются так: структура научного знания вообще и научной теории в особенности; законы порождения, функционирования и изменения научных теорий; понятийный каркас науки и ее отдельных дисциплин; характеристика схем объяснения, принятых в науке; структура и операциональный состав методов науки; условия и критерии научности [62]. Это означает, что методология фактически рассматривается только в своей познавательной, когнитивной функции. Это, несомненно, важнейшая функция методологии. Но, как можно полагать, далеко не единственная. Известно, что современная российская психология находится в состоянии методологического кризиса. Сейчас остро необходима разработка методологии научной психологии, отвечающей требованиям сегодняшнего дня. В течение многих десятилетий методология психологии была направлена исключительно на разработку средств, позволяющих осуществлять процесс познания психического (когнитивная функция методологии психологии). Методология психологической науки должна выполнять и коммуникативную функцию, т.е. способствовать установлению взаимопонимания между разными направлениями, подходами внутри психологической науки. Сегодня совершенно ясно, что современная психология далека от единства. Фресс и его современники, которые придерживались сходных взглядов, явно поддались иллюзиям. Различные парадигмы и подходы в сегодняшней психологии различаются не меньше, чем психологические школы периода открытого кризиса. Собственно, сейчас мы имеем дело с настоящим «полноценным» методологическим кризисом. Для того, чтобы только «просто разобраться» в сложившейся ситуации, необходимо сопоставление научных концептуальных систем, выполненных в разных научных традициях. Настоящая работа, в частности, посвящена постановке одной из важнейших методологических проблем современной

психологии — разработке аппарата коммуникативной методологии. Без решения этой проблемы невозможно найти выход из кризиса психологии, поскольку именно неразработанность этой проблемы не позволяет находить взаимопонимание между различными подходами и направлениями в психологии.

Важно подчеркнуть, что одного желания, «доброй воли» психологов для установления необходимой коммуникации между концептуальными системами мало. Для этого нужны реальные возможности, которые может обеспечить использование инструмента — понятийного аппарата коммуникативной методологии. Видимо, Юнг был прав, утверждая, что время глобальных теорий в психологии еще не наступило. Поэтому, возможно, стоит переменить ориентацию — вместо тщетных попыток создания «супертеории» перейти к «нормальной» работе по упорядочению, соотнесению уже добытого знания. Представляется, что научная психология в полной мере еще не осознала реальных размеров того богатства, которое накоплено предыдущими поколениями научных психологов и действительно существует. Для того, чтобы это осознать, необходимо изменение установки. В психологии действительно накоплено огромное количество научного материала, выдвинуто множество гипотез и теорий, сформулировано много концепций. Главная проблема состоит в недостаточном реальном взаимном соотнесении различных подходов и теорий. Особенно важно подчеркнуть, что дело отнюдь не в «нежелании» психологов вступать в научную коммуникацию, а в отсутствии реального методологического аппарата, позволяющего произвести такого рода соотнесение. Сегодня необходимо направить усилия на разработку научного аппарата, позволяющего реально соотносить различные концепции и, тем самым, способствовать установлению взаимопонимания в рамках научной психологии. Конкретная задача, которую предстоит решить в первую очередь, состоит в разработке модели методологии психологической науки, ориентированной на коммуникацию, т.е. предполагающей улучшение реального взаимопонимания (как «внутри» академической психологии, так и в достаточно непростых «отношениях» последней с психологией практико-ориентированной, нетрадиционными психологиями и т.д.).

К коммуникативной методологии предъявляются следующие требования: это должна быть методология на исторической основе, т.е. учитывающая исторический путь, пройденный психологией; это должна быть деидеологизированная методология; это должна быть методология плюралистическая (не ориентированная на единый универсальный научный стандарт); это должна быть методология,

учитывающая возможность наличия различных целей получения психологического знания (познавательных или практических); наконец, это должна быть содержательная методология, т.е. рассматривающая вопросы реального предмета психологической науки. Возможно ли разработать коммуникативную методологию сегодня? Представляется, что в принципе это возможно.

Решение заявленной задачи может быть достигнуто при наличии следующих условий: 1) необходимо наличие «операционального стола» (М. Фуко), т.е. некоторой «площадки для сборки», на которой будут осуществляться собственно «операции соотнесения»; 2) необходимо наличие инструмента, аппарата, с помощью которого будет осуществляться само соотнесение. Первое условие достигается за счет максимально широкого понимания предмета психологии. Предварительные исследования показали [37, 36], что предмет психологии имеет сложное строение: можно говорить о «декларируемом», «рационализированном» и «реальном». Различение уровней предмета позволяет избежать многих недоразумений, поскольку соотнесение концепций должно происходить на уровне «реального» предмета. Второе условие достигается за счет использования рабочей схемы, с помощью которой будут производиться соотнесения. В качестве таковой планируется использовать модель соотношения теории и метода в психологии. В предшествующих работах [37, 36, 38] было показано, что соотношение теории и метода является центральной проблемой методологии психологической науки. Разработанная схема соотношения получена на основе историко-методологического анализа развития психологической науки (как концептуальной системы и как деятельности). Эта схема включает в себя такие компоненты: предмет науки — проблема; опредмеченная проблема, предтеория, представляющая собой структурный инвариант (включает в себя идею метода, базовую категорию, организующую схему, моделирующие представления); метод, представляющий собой целостное образование, в котором может быть выделено три уровня (идеологический, предметный и процедурный); эмпирический материал; блок интерпретации-объяснения, включающий в себя объясняющую категорию, объясняющую схему и тип объяснения (подробнее см. об этом в следующем разделе). Эта схема характеризует научную концепцию в ее целостности — от первоначального замысла (предтеория) до получения итогового продукта (научной теории). (Подробнее об этом см. в следующем разделе настоящей работы). Главным достоинством предлагаемой схемы является то, что она, как показали предварительные исследования [36, 38], представляет собой структурный инвариант,

и, следовательно, может выступать в качестве основы для осуществления сопоставления различных концепций. Схема является «замкнутой», т.е. позволяет понять, каким образом полученные результаты одного исследования порождают гипотезы, подлежащие проверке в следующем авторском исследовании.

Таким образом, опираясь на разработанную модель соотношения теории и метода в психологии, предполагается разработать коммуникативную методологическую модель, позволяющую реально соотносить различные психологические концепции, обнаруживая в них как совпадающие элементы, так и те, в которых сопоставляемые концепции различаются.

6. Основания оптимизма: теория и метод в психологии

В предыдущем разделе был сделан важный вывод о том, что разработка коммуникативной методологии, способствующей взаимопониманию психологов, представляющих различные направления в науке, принципиально возможна.

Основанием, внушающим оптимизм относительно перспективности данного подхода, выступает тот факт, что схема соотношения теории и метода в психологическом исследовании, лежащая в основе разрабатываемой модели, позволяющей соотносить различные психологические концепции, является структурным инвариантом – основные элементы модели являются инвариантными для всех рассмотренных в предварительных исследованиях концепций (концепции периода становления психологии как самостоятельной науки, основных школ в психологии, современных теорий). Эта инвариантность, универсальность разработанной модели дает возможность начать реальную работу по осуществлению вначале сопоставления, соотнесения различных концептуальных структур в рамках научной психологии, а затем и попыток реальной интеграции научного психологического знания. На этой основе, можно полагать, окажется возможным сопоставление более «содержательно далеких» концептуальных структур: собственно научно-психологических, с одной стороны, и вненаучно- и ненаучно-психологических, с другой.

Остановимся на этой модели более подробно. Ранее нами было проведено исследование, посвященное проблеме соотношения теории и метода в психологической науке [36, 38]. Изначально представлялось совершенно ясным, что между теорией и методом

должно существовать отношение достаточно тесное. Ведь еще в прошлом столетии Гегель говорил о том, что теория на известном этапе может становиться методом исследования. Метод, согласно Гегелю, «не есть нечто отличное от своего предмета и содержания, ибо движет вперед себя содержание внутри себя, диалектика, которую оно имеет в самом себе» [16, С. 34]. На это указывала и этимология самих слов «теория» и «метод».

Метод (греч. путь исследования или познания, теория, учение) — способ построения и обоснования философского и научного знания; совокупность приемов и операций практического и теоретического освоения действительности. Хотелось бы обратить внимание на то, что этимология слова свидетельствует о близости метода и теории: одно из значений слова «метод» указывает на теорию, учение, что, на наш взгляд, знаменательно. В данной работе целесообразно различать метод как способ построения и обоснования научного знания и метод как совокупность приемов и операций практического «освоения действительности» (т.е. эмпирический метод, метод «добывания» эмпирических фактов).

Теория (греч., от рассматриваю, исследую), в широком смысле — комплекс взглядов, представлений, идей, направленных на истолкование и объяснение какого-либо явления; в более узком и специальном смысле — высшая, самая развитая форма организации научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существенных связях определенной области действительности — объекта данной теории. Хотим и в этом случае обратить особое внимание на то, что этимология указывает на познавательные действия, которые предполагают определенные способы. Связь между методами и теорией «в языке» несомненна.

Обращение к работам психологов, однако, выявило чрезвычайно странную (и неожиданную) картину. С одной стороны, наличие такой связи, по-видимому, было хорошо известно психологам разных поколений: упоминаний о том, что теория и метод связаны между собой, обнаружилось предостаточно — фактически, каждым крупным психологом такая констатация (в той или иной форме) была сделана. Но далее общих утверждений дело почему-то не шло. Более того — и это удивляет более всего — специальных работ, в которых бы раскрывались механизмы такого соотношения, вообще обнаружить не удалось. Налицо парадокс: проблема теории и метода в психологии является одной из центральных среди методологических проблем современной психологической науки, от разрешения этой проблемы зависит решение многих других методологических вопросов. Во всяком случае совершенно очевидно, что разработка проблемы теории и

метода является необходимым условием для методологического соотнесения различных психологических теорий, подходов, направлений. Парадокс состоит в том, что, этот вопрос, насколько можно судить по литературе, психологов, кажется, совершенно не волнует: кроме общих констатаций наличия тесной связи (или даже единства) о реальном взаимодействии теории и метода в психологии, сказать, фактически, нечего. Ситуация с исследованием проблемы соотношения теории и метода в психологии очень напоминает некогда описанную еще Блаженным Августином: мы думаем, что знаем о вещи, пока нас никто о ней не спрашивает, но если кто-то начинает спрашивать, то мы ощущаем бессилие что-либо сказать.

М.Г. Ярошевским было введено важное различие [88]. Согласно М.Г. Ярошевскому, в историко-психологическом анализе выделяются два уровня. Первый уровень — уровень рефлексии исследователя о собственной деятельности. Результатами такой деятельности исследователя являются методологические замечания и констатации в научных работах. Второй уровень — глубинный, где идет реальная «категориальная» работа. Реалии второго, глубинного уровня могут быть выявлены только с помощью специально организованного исследования, которое направлено именно на выявление специфики методов и теорий. Важно отметить, что между этими уровнями возможны расхождения: рефлексия исследователя часто бывает неполной, вследствие чего важные моменты не получают отражения в сознании. Кроме того, существует феномен «гетерогонии целей», как его называл Вундт: намерения исследователя (отражающиеся в методологических высказываниях) не всегда реализуются, иногда по ходу исследования вносятся существенные коррективы, являющиеся результатом проведенной работы (не всегда осознаваемые автором). В итоге исследование реально решает не те задачи, которые ставились изначально (сам исследователь зачастую не отдает себе отчета в произошедших изменениях). Наконец, использование определенных методов относится к той стороне деятельности, которая, будучи «технической», далеко не всегда осознается самим исследователем. Тем более это относится к осознанию связи, существующей между теориями и используемыми в исследовании методами. Можно привести высказывания многих психологов о том, как соотносятся или должны соотноситься теория и метод в психологическом исследовании (что соответствует первому аспекту проблемы).

Второй аспект проблемы состоит в том, чтобы выяснить, как реально соотносятся теория и метод в том или ином

психологическом исследовании. Для изучения этого вопроса требуется специальное историко-методологическое исследование. Если первый аспект неоднократно был предметом рассмотрения, то второй практически специальному исследованию не подвергался.

Распространенное представление, согласно которому теория детерминирует выбор метода, нуждается, по меньшей мере, в конкретизации или уточнении. Многими авторами подчеркивалась определяющая роль теории в этом соотношении. Но теория выступает результатом научного исследования, тогда как методы являются средством получения этого результата и их использование явно предшествует формулировке теории. Другим чрезвычайно актуальным вопросом является проблема методов психологии. Существуют или нет специальные теоретические методы психологии? Как ни удивительно, на столь естественный вопрос достаточно определенного ответа, в общем-то, нет. И, что удивительнее всего (автора настоящих строк это поражает до глубины души!), создается стойкое впечатление, что современную психологию это вроде бы и не особенно интересует. Во всяком случае, очень немногие авторы эту проблему упоминают (до исследования этой проблемы дело, как правило, не доходит).

В чем же состоит причина отмеченного выше парадокса? Известно, что наука может рассматриваться как концептуальная система и как деятельность. Г. Гаттинг — известный методолог науки — полагает, что наиболее сложная проблема в методологии — синтез представлений о науке как концептуальной структуре и человеческой деятельности. Обычно теория и метод рассматриваются в различных контекстах: теория анализируется, когда речь идет о науке как концептуальной структуре, проблема методов раскрывается, когда исследуется наука как деятельность. Возникает задача планирования такого исследования, в котором проблема соотношения теории и метода анализировалась бы в рамках одного «контекста». Целесообразно начинать с анализа в контексте науки как концептуальной системы. Возможно, это позволит получить новые данные об отношении между теорией и методом в психологии и на основе этих данных разработать модель соотношения теории и метода.

Было бы очень заманчиво окунуться в «гущу событий», обратившись к анализу самого последнего этапа кризиса в психологической науке, либо к анализу современных психологических концепций. Но такой ход оказывается невозможным, поскольку в этом случае мы оказываемся лишенными каких бы то ни было рабочих схем (кроме интуитивных, что, разумеется, неплохо, но в других случаях: здесь, когда исследование

должно выявить, по сути, «работу» таких же недостаточно хорошо осознаваемых — очень похожих на интуитивные — «оснований», такой метод вряд ли может считаться приемлемым). Поэтому мы вынуждены начать «с начала», даже если маркировка очевидно условна. Поскольку нас интересует научная психология, то необходимо проанализировать основные, существенные в методологическом отношении этапы формирования психологии как научной дисциплины, по возможности рассмотрев как внутренние изменения, по всей вероятности, связанные с теорией и методами, так и «внешние» (ведь, для того, чтобы «выделиться» в качестве самостоятельной науки, надо «стать таковой» в глазах научного сообщества: следовательно, возможны — да и просто необходимы — декларации, соответствующие этим ожиданиям).

В статье «Экспериментальный метод исследования» В.Д. Шадриков анализирует два возможных пути построения психологической науки: аксиоматический и экспериментальный [77]. В.Д. Шадриков анализирует достоинства и недостатки этих методологических стратегий построения науки. Несомненно существование экспериментальной психологии. Возможно ли существование «чисто экспериментальной» науки? Автора настоящих строк давно не покидает ощущение того, что даже «самая эмпирическая» наука имеет некоторые априорные предпосылки.

Сказанное выше о невнимании психологов к вопросу о соотношении теории и метода может показаться сильным преувеличением. Тем не менее, такое невнимание налицо. Механизм связи теории и метода изучен, раскрыт и объяснен совершенно недостаточно. Исследование этого вопроса тем более важно, что многими авторами вопрос как бы «выносится за скобки», поэтому выпадает из поля внимания. Примером может служить известная работа классика мировой психологической науки Жана Пиаже [50]. Если начинать с эмпирического исследования, использующего тот или иной метод (в случае, который анализирует Пиаже, эксперимента, направленного на выявление причин иллюзий восприятия), обнаруживающего факты и законы, создается устойчивое впечатление, что основной задачей науки является объяснение. При этом интересующий нас вопрос, почему используется именно такой метод (именно такой вариант эксперимента), оказывается неправомерным, поскольку метод был «задан» изначально. Возникает впечатление, что объяснение «с помощью гипотез» охватывает всю методологию психологического исследования. никоим образом не умаляя важности проблемы объяснения, заметим, что к ней нельзя свести всю «методолого-психологическую» проблематику. Более того, ясно, что проблема

объяснения может быть разрешена лишь тогда, когда будет раскрыто реальное место объяснения в структуре психологического исследования, т.е. выявлены существующие отношения между всеми его составляющими. Таким образом, при подходе, аналогичном использованному Ж. Пиаже, проблема «закрывается». Исследователь фактически лишается возможности выяснить, почему используется такой вариант эксперимента, а не какой-либо другой. Мы, напротив, полагаем, что это один из наиболее важных методологических вопросов психологического исследования. И то, что исследователь каким-то удивительным образом из всех возможных выбирает тот вариант метода, который соответствует его экспектациям, нуждается в специальном исследовании и объяснении.

Многие авторы высказывают соображения, что в абсолютно «чистом» виде в жизни ни эмпирический, ни аксиоматический подходы неосуществимы. Реально мы имеем дело с достаточно сложными гибридами. Собственно говоря, об этом пишут и писатели, и философы. Так, к примеру, выглядит эта проблема в восприятии известного швейцарского писателя: «Разум путем логического умозаключения может спокойно вывести одну правду из другой, что обычно и делают, извлекая ее в свою очередь из предыдущей и так далее, пока не доберутся до истины — полной и непреложной, что означает — полученной методом дедукции или, напротив, индукции, опирающейся на вымысел, чувственный опыт, гипотезу или версию. Разум и дедукция делают ставку на безошибочность и надежность, индукция отваживается на риск. Поэтому дедукция — метод богов: правду знают одни они и в своих суждениях всегда следуют от общего к частному. Однако человеческая жизнь редко складывается по законам дедукции, чаще ее носит по своим волнам индукция, во власти которой эта жизнь находится, поскольку полна неожиданностей, заведомо не поддающихся расчету, но именно все то непрогнозируемое, что мы называем «случай» и что сваливается нам на голову, как метеор, обычно превращается, едва успев шмякнуться на нас и раздавить в лепешку, в нечто такое, что тут же учитывается и прекрасно укладывается в статистику» [23, С. 70]. Известно, что в своем знаменитом произведении «О душе» Великий Стагирит говорил о психологии, как о дисциплине причастной к «наиболее возвышенному и удивительному». Поэтому весьма логично предположить, что сама психологическая наука включает в себя хотя бы отдельные элементы «науки богов». Впрочем, если говорить серьезно, в самой-что-ни-на-есть эмпирической психологии должны найтись некие априорные «предвосхищения». Возможно, что наука

в действительности «устроена» сложнее, чем иногда представляется. «Остается фактом, что платоновская речь, восхваляющая науку, ненаучна, и это тем более верно, что ей удается достичь легитимации науки. Научное знание не может узнать и продемонстрировать свою истинность, если не будет прибегать к другому знанию — рассказу, являющемуся для него незнанием; за отсутствием оно обязано искать основания в самом себе и скатываться таким образом к тому, что осуждает: предвосхищению основания, предрассудку. Но не скатывается ли оно точно так же, позволяя себе этот рассказ?» [34]. Желających углубиться в анализ оснований отошлем к известному труду М. Хайдеггера.

Мы тем временем вернемся к научной психологии. Все же: является психология аксиоматической или эмпирической?

Историко-методологическое исследование [36] показало, что даже чисто эмпирические методы имеют выраженную обусловленность со стороны теоретических представлений. В частности, обнаружилось, что структура интроспекции как эмпирического метода определяется исходными представлениями исследователя об изучаемом явлении. Эмпирические методы использовались в различных модификациях (В. Вундт, Ф. Brentano, У. Джемс, О. Кюльпе, Э. Титченер, Н. Ах и др.), в которых сочетаются инвариантность и вариативность. Дать объяснение этому феномену позволило представление об уровне строения метода.

Необходимо различать теорию как результат научного исследования и предтеорию как комплекс исходных представлений, предшествующих эмпирическому изучению и направляющих исследование. Могут быть выделены следующие компоненты предтеории: идея метода, базовая категория, моделирующее представление, организующая схема. Любое исследование начинается с проблемы. Проблема предполагает выделение предмета исследования. В психологии предмет исследования тесно связан с трактовкой предмета психологии в целом. Поэтому в психологическом исследовании реально имеют дело с опредмеченной проблемой. В психологии возможно несовпадение декларируемого предмета и реального предмета. Проблема, которая будет исследоваться, должна быть конкретизирована. Конкретизация происходит в двух направлениях: в проблеме необходимо увидеть именно психологический феномен, она должна «опредметиться». Другая важная конкретизация проблемы происходит тогда, когда опредмеченная проблема соотносится с моделирующими представлениями. К примеру, «мышление» как таковое представляет собой абстракцию, которую невозможно изучать, для этого оно должно во что-то «воплотиться». Это

«воплощение» и есть моделирующие представления: решение задачи, соотнесение понятий, понимание выражений, построение умозаключения и т.д. Определенность проблемы (иными словами, латентное присутствие определенной трактовки предмета психологии) определяет идею метода (если, например, исследователь исходит из того, что реальный предмет — непосредственный опыт, он, несомненно, будет стремиться использовать метод самонаблюдения в той или иной форме). Выбор формы метода связан с дальнейшими уточнениями. Дальнейшее уточнение состоит в выборе базовой категории. Базовая категория определяет общую ориентацию исследования. В качестве базовых категорий, как показали исследования, на ранних этапах развития научной психологии, выступают понятия структура, функция, акт, процесс. Базовая категория определяет тип организующей схемы. Организующая схема — способ организации исследования, которое может быть направлено на раскрытие структуры, функции изучаемого явления или на выявление его процессуальных характеристик. (Исследование показало, что в рассматриваемый период существовали возможности уровневого и генетического анализа, но реализованы, фактически, не были).

Эмпирический метод выступает как зависимый от предтеории. В структуре предтеории представлена идея метода, которая, в свою очередь, определяется пониманием предмета науки. Если предмет науки — сознание или внутренний опыт, то идея метода, его принцип, определяется через внутреннее восприятие, самонаблюдение. Это означает, что если в данном исследовании будут использоваться другие методы, например, эксперимент, то они будут выступать исключительно в роли вспомогательных, дополнительных, лишь создающих оптимальные условия для внутреннего восприятия. Идеи метода недостаточно, чтобы охарактеризовать метод психологического исследования в целом. Одна и та же идея метода может воплощаться в существенно различающихся вариантах метода. Метод представляет собой сложное образование, имеет уровневую структуру, причем различные уровни связаны с различными компонентами предтеории. Схематически соотношение между компонентами предтеории и уровнями метода можно представить следующим образом (рис. 1).

Рис. 1. Схема соотношения между компонентами предтеории и уровнями метода.

Можно говорить по меньшей мере о трех уровнях метода. На первом уровне метод выступает как идеологический, т.е. на этом уровне выражается общий принцип («идея») метода. Этот уровень, в основном, определяется идеей метода как компонентом структуры предтеории, который, в свою очередь, детерминируется пониманием предмета психологии. На втором уровне метод проявляется как предметный. На этом уровне определяется, что именно будет этим методом изучаться. Скажем, метод интроспекции может быть направлен на выделение содержаний опыта, на фиксацию актов и т.п. Этот уровень определяется такими компонентами предтеории как «базовая категория» — «организационная схема»: понятия «структура», «функция» или «процесс» определяют в конечном счете содержание метода, т.е. какой именно психологический материал будет фиксироваться и описываться. На третьем уровне метод выступает как процедурный, операционный. Любой метод в конечном счете может быть охарактеризован и описан как последовательность или совокупность конкретных процедур. Этот уровень, в основном, определяется таким компонентом предтеории как моделирующие представления. Они определяют не только последовательность действий исследователя и испытуемого, специфические приемы, используемые для того, чтобы фиксировать необходимый психический материал, но и выбор стимульного материала. К этому уровню (например, в случае использования метода интроспекции) могут быть отнесены такие специфические технические приемы, которые обеспечивают развернутые подробные показания (использование элементов ретроспекции, активный опрос испытуемого, деление на этапы, стадии, фракции и т.п.) или обеспечивают улучшение восприятия испытуемым переживаний (повторение переживаний, возможность бессознательного опознания, метод перерыва, парциальный метод, метод замедления течения переживаний и т.п.).

Соотношение между теорией и методом в психологии периода ее становления как самостоятельной науки может быть представлено в виде схемы (рис. 2).

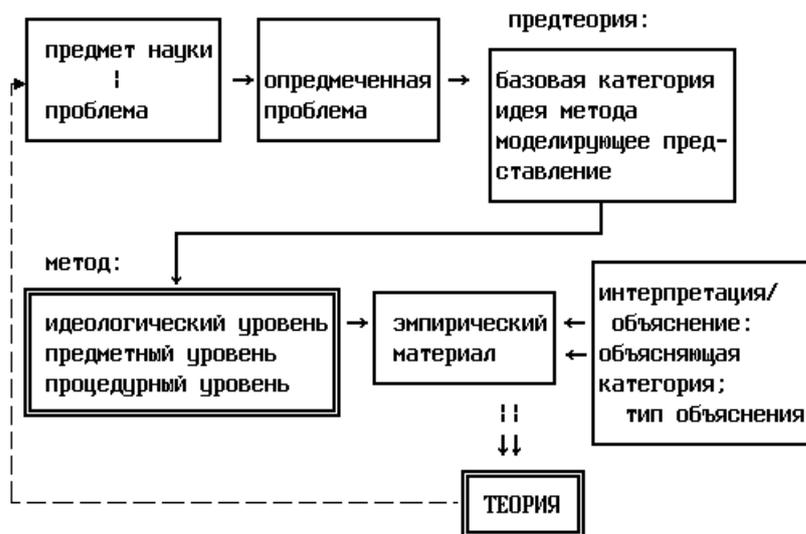

Рис. 2. Модель соотношения теории и метода в психологии (период становления психологии как самостоятельной науки)

Единство теории и метода достигается за счет того, что теория как результат исследования и метод как средство осуществления исследования имеют общие корни, которые могут быть обнаружены в предтеории (отдельные компоненты предтеории определяют различные уровни метода). Отсюда становится ясно, почему в одном случае используется, к примеру, «структурный» вариант самонаблюдения, нацеленный на выделение и описание элементов психического явления, тогда как в другом случае используется «функциональный» вариант самонаблюдения. Наличие уровней в структуре метода позволяет по новому подойти к проблеме инвариантности и вариативности метода.

Применение того или иного метода позволяет получить эмпирический материал. Описание как функция и задача науки в психологических концепциях периода становления психологии как самостоятельной дисциплины может быть представлена следующим образом. Полученный эмпирический материал подлежит интерпретации. Первоначально интерпретация предполагает упорядочение данных посредством интерпретирующей категории. Производной от интерпретирующей категории является интерпретационная (объяснительная) схема. В качестве таковых выступают на первых этапах те же самые категории: структура, функция и процесс. В таких случаях протоколы опыта «редактируются» (по удачному выражению психологов Вюрцбургской школы). Интерпретация здесь, фактически, сводится к тому, что эмпирические данные упорядочиваются в направлении, заданном интерпретирующей категорией. На ранних этапах развития

психологии как самостоятельной науки базовая категория и интерпретирующая категории совпадают. В этом случае продуктом интерпретации является описание. Его в психологии рассматриваемого периода называют теорией. Если ставится задача объяснения, то возможны варианты: первый — объяснение за счет обращения к физиологии. Второй вариант состоит в том, что кроме интерпретации посредством категории, совпадающей с базовой, дополнительно происходит реинтерпретация посредством другой категории. Реально объяснение чаще всего на этом этапе ограничивается декларативным указанием на возможность объяснения (объяснения в действительности не происходит).

Особый интерес в плане интересующей нас темы представляет тот вариант, когда в качестве интерпретирующей категории выступает категория «процесс». Фактически, происходит интерпретация материала, полученного исходя из одной категории (структура), посредством другой (процесс). Этот случай чрезвычайно важен, т.к. позволяет сформулировать гипотезу о происхождении теоретического метода. В работе Н. Аха [89] протоколы экспериментов, полученные в результате использования метода систематического экспериментального самонаблюдения интерпретируются с позиций теории детерминирующей тенденции (как процессуальной характеристики мышления). Этот вариант представляет собой модель возникновения теоретического психологического метода. Этап интерпретации в этом случае «отделяется» от собственно эмпирического исследования и тем самым создается возможность использовать психологический анализ (теоретический, поскольку в основе в данном случае лежат представления о процессе) применительно к любому материалу (фактам эмпирического исследования, явлениям повседневной жизни, «сконструированным» фактам и т.д.). Таким образом, происходит переход от интерпретации к способу обращения с темой (если воспользоваться удачным выражением Мартина Хайдеггера). В данном случае мы имеем дело с научным методом, который отличается от философского умозрительного, в первую очередь, тем, что является производным от эмпирического научного метода, можно сказать, основан на нем. Тем самым сохраняется предметная специфика, что является своего рода «подтверждением правомерности» подобной процедуры. Вместо интерпретирующей схемы может использоваться объясняющая.

Необходимо отметить, что в этом случае структура цикла существенно меняется: сформулированная теория ведет к изменению понимания предмета и схема, приведенная на рис. 2, фактически становится «замкнутой», чего реально не наблюдалось

на первых этапах развития научной психологии. Для исследований более позднего периода это становится типичным. Соотношение теории и метода, таким образом, становится двунаправленным и «диалектичным»: теория определяет метод, но и метод в свою очередь определяет теорию. Отношение между теорией и методом в психологии, характерное для начального периода ее развития как самостоятельной науки, как мы видели, в дальнейшем существенно изменяется. (К обсуждению вопроса об универсальности «замкнутой» модели придется вернуться ниже в связи с результатами исследования соотношения теории и метода в психологических концепциях XX столетия). Характеризуя эти отношения в указанный период в целом, необходимо признать, что психология в значительной степени продолжала сохранять субъективизм, свойственный философской психологии. Более того, можно сказать, что несмотря на проникновение эксперимента, психология по характеру обобщений в значительной степени сохраняла черты философской психологии. Сама процедура эмпирического исследования была достаточно произвольной: предтеорией, фактически, задавались основные результаты. В этом объяснение известного феномена, согласно которому очень часто психологи, использовавшие субъективный метод получали результаты, совпадавшие с их теоретическими представлениями. Иными словами, на этом этапе своего развития психология оказалась куда более «аксиоматической» (в том смысле, что при построении теории играли важную роль априорные положения), чем можно было ожидать от чисто опытной науки. Независимой от «метафизики» психологии не получилось. Важно подчеркнуть, что путь, пройденный к этому времени психологией был «путем эмбриона». Психология «примеяла» на себя возможности других наук. Начинала она как настоящая естественная наука. Это был путь, «указанный» еще Кантом. Научная психология продолжала идти по этому пути. Но еще в прошлом столетии наметились другие «линии развития». Во французской психологической школе продуктивно разрабатывался подход, основывавшийся на патологическом методе. Как писал об этом П. Фресс, французская психология отпочковалась от психопатологии, интерпретируемой философами. В. Дильтей (1894) был одним из первых критиков научной психологии. «Понимающая» психология должна была строиться, по мысли Дильтея, на совсем иных основаниях. Двадцатый век проходит в полемике между ориентациями, реализующими естественнонаучный, либо, напротив, герменевтический, гуманистический подходы. В конце столетия стало совершенно ясно, что разрешить этот конфликт между естественнонаучной и

герменевтической ориентацией в психологии путем «логического империализма» (Л. Гараи, М. Кечке) невозможно.

В дальнейшем нами было проведено дополнительное исследование, касающееся соотношения теории и метода в психологии более позднего периода (с целью проверки универсальности разработанной модели). К сожалению, здесь нет возможности представить его результаты сколь-нибудь подробно, поэтому ограничимся формулированием лишь некоторых общих выводов.

Итак, на первых этапах развития научной психологии, когда происходило конституирование этой дисциплины как самостоятельной науки, независимой от философии, методы использовались в основном как средство добывания эмпирического материала, фактов (эмпирический метод), и как средство описания (объяснения) (зачаточная форма теоретического метода).

Но уже очень скоро появляются эмпирические методы с несколько иными функциями. Продолжает интенсивно использоваться та форма эксперимента, который восходит еще к временам Хр. Вольфа, — измерительный эксперимент. Напомним, он использовался в психофизических исследованиях. В научной психологии он был переосмыслен и «приспособлен» к решению чисто психологических задач.

По прежнему наиболее часто используется метод в своей «чистой» функции, как источник получения новых фактов: исследователь вносит изменения и фиксирует, каковы будут следствия. Таким образом, в этом случае эксперимент носит откровенно «поисковый» характер.

Наибольший интерес представляет та разновидность метода, где метод (к примеру, эксперимент) имеет четко направленный характер и посвящен проверке той или иной гипотезы. Примером может служить классическое исследование Н.Н. Ланге, посвященное изучению «закона перцепции». Основой для выдвижения гипотезы в данном случае служит теория, а измерительный эксперимент выступает в новом качестве: он не столько измеряет время реакции самой по себе, сколько позволяет заключить, подтверждается или нет гипотеза, что реакции испытуемого в разных опытах соответствуют различным стадиям перцептивного процесса. Это начало той «линии» в экспериментальной психологии, которая так ярко проявилась в психологии XX столетия (достаточно вспомнить классические эксперименты в школе Курта Левина).

Важно, что проведенное исследование позволило существенно уточнить чрезвычайно важный момент, связанный с выяснением механизма выдвижения гипотез, подлежащих проверке. Очевидно,

что для того, чтобы оказалось возможным выдвижение гипотезы, должно существовать некое исходное знание. На этапе развитой психологии исходное знание является результатом предыдущих исследовательских актов. Механизм выдвижения гипотезы, предположения, есть не что иное, как использование метода (теоретического), направленного на мысленное изменение материала. Как следствие, при реальном проведении эмпирического исследования экспериментатор или наблюдатель направлен на фиксацию ожидаемых изменений в поведении испытуемого: их отсутствие заставляет поставить вопрос о причинах происшедших «отклонений». Собственно говоря, на более «продвинутых» этапах развития психологии происходит нечто похожее на то, что уже наблюдалось на более ранних этапах (отличие состоит в том, что гипотезы на более поздних этапах развития психологии носят более конкретный характер, что «выдает» большую роль предметного и операционального уровней метода; на более ранних этапах гипотезы тоже существовали, но поскольку они носили чрезвычайно общий «формальный» характер, они, фактически, «сливались» с предметным уровнем эмпирического метода: исследователь просто «предполагал» наличие у испытуемого определенной функции или процесса). Этот результат особенно важен, т.к. является примером того, как более развитые формы позволяют понять реальное функционирование менее развитых, где существенные компоненты находятся еще в зачатке. На этих более развитых этапах характер предположений необходимо более частный, специфичный, конкретный, что необходимо ведет к использованию более дифференцированного понятийного аппарата.

Использование «замкнутого» цикла, когда проведенное исследование является основой для осуществления следующего, позволяет выявить интересную динамику, объясняющую логику развития научной школы. Хорошим примером может послужить Берлинская школа гештальтпсихологии, одним из основных объектов изучения в которой было мышление. В развитии этой школы могут быть выделены следующие этапы: 1) «классическая» гештальттеория мышления (работы М. Вертгеймера, К. Коффки, В. Келера и др., выполненные в 20-е годы); 2) «Неогештальттеория» мышления (исследования К. Дункера, Л. Секея, Н. Майера и др., посмертно опубликованная книга М. Вертгеймера «Продуктивное мышление» (30-40-е гг.); 3) «постгештальттеория» мышления (последующие работы Л. Секея, Н. Майера, А. Лачинса и др.) (50-70-е гг.). Если на первом этапе большинство исходных характеристик мышления принимается, то на втором наблюдается отчетливый отход (под влиянием проведенных исследований) от целого ряда

принципиальных положений. Третий этап чрезвычайно интересен тем, что представляет собой попытки формирования «гибридных» теорий, за счет использования достижений, полученных не только в собственной школе, но и в других (в частности, в психоанализе, у Жана Пиаже и его последователей, Джерома Брунера и др.). Соответствующим образом изменяются и методы психологического исследования. (Подробнее об этом см. в наших работах [41], [42]). Отметим, что, как показали наши исследования, метод везде сохраняет свою трехуровневую структуру, что свидетельствует об универсальности этой характеристики научного метода.

Заслуживает быть отмеченным важный факт, обнаружившийся в исследовании. В развитых научных школах имеет место особый вид эксперимента, использующийся для верификации предмета исследования. Его цель доказать существование особого предмета, характеризующего подход данной научной школы. Примером может служить известный эксперимент Макса Вертгеймера, где наличие «фи-феномена» обосновывает наличие феноменального поля, или условный рефлекс И.П. Павлова, позволяющий убедиться, что в реакции слюнной железы на раздражитель скрыто «все богатство психического мира».

Другим важным выводом явилась демонстрация возможности реализации такого исследовательского подхода, при котором соотношение теории и метода может рассматриваться в рамках «деятельностного» подхода. Соответственно, в этом случае генезис научной концепции может рассматриваться как своего рода деятельность исследователя, направленная на решение определенных мыслительных задач. Это позволило подтвердить исходную гипотезу о том, что основной трудностью решения исследовательской задачи является не собственно формулирование новой идеи, гипотезы, но наличие заблуждения, причина которого кроется в неадекватных структурах субъективного опыта исследователя. Разработана классификация трудностей исследовательского процесса, основанная на выделении степени неадекватности структур субъективного опыта исследователя решаемой научной задаче.

Важным представляется результат, согласно которому после «верификации» предмета исследования работа ученого идет в двух различных направлениях: 1) происходят постановка и последующая проверка новых гипотез, что ведет к углублению и детализации исследования (интенсификация поиска); 2) происходит расширение «пространства исследования», т.к. ученый пытается обобщить результаты и распространить их на возможно более широкий круг явлений (экстенсификация поиска).

Проведенное исследование показало, что предложенная схема соотношения теории и метода в психологии (см. рис. 2) сохраняет свою универсальность и может быть использована для характеристики психологических концепций не только периода становления психологии как самостоятельной науки, но и более позднего периода. Следует отметить, что она не только применима для исследования соотношения теории и метода в контексте «науки как деятельности», но и оказывается чрезвычайно полезной, поскольку позволяет выявить важные нюансы.

В целом можно констатировать, что:

— развитие психологической науки идет от использования изолированных схем, ориентированных на какую-то отдельную базовую (объясняющую) категорию, к ориентации на их сочетание, совмещению, что ведет к возникновению «комплексных» подходов (структурно-функционального, функционально-структурного, структурно-уровневого и т.п.);

— развитие психологической науки идет от использования «простых», формальных схем, связанных с «чистыми» базовыми категориями, к применению схем более содержательных, что ведет к развитию психологических понятий и дальнейшей дифференциации понятийной структуры;

— в конце XIX столетия в психологию проникает идея развития, психология все в большей степени становится генетической наукой. Это, в частности, приводит к изменению исследовательских ориентаций: если на ранних этапах развития научной психологии в большей степени классифицировали, выделяли разновидности психических феноменов, то в развитых психологических концепциях наблюдаются попытки перехода от изолированных отдельных феноменов к их «увязке». Объединение достигается за счет категорий «развитие» и «уровень»: феномены рассматриваются как различные стадии, этапы или уровни функционирования единой системы. В качестве наиболее яркого идеолога подобного перехода можно назвать Курта Левина, проанализировавшего в своей известной работе переход от аристотелевского способа мышления к галилеевскому;

— применительно к самому развитию можно констатировать усложнение его объяснения: на ранних этапах наблюдались попытки объяснения через «изолированные» факторы, на следующем использовались конвергентные модели, впоследствии исследователи строили более сложные модели, предполагающие, в частности, активность самого субъекта;

— во всех рассмотренных подходах и школах метод сохраняет свою общую инвариантную структуру, включая три уровня

(идеологический, предметный, операциональный);

— развитие психологии связано со все большей интеграцией различных подходов, вначале рассматривавшихся как противоречащие, несовместимые, но впоследствии оказавшиеся вполне дополнительными. Во многом этому способствовало все более широкое использование категории «уровень», что, в частности, привело к возникновению системного подхода в психологии;

— развитие психологии приводит к все большей популярности концепций, ориентированных на целостный подход. Первоначально идею целостности психического в противовес атомизму В. Вундта отстаивал Ф. Brentano. На наш взгляд, Brentano одним из первых в психологии XIX столетия выразил мысль, что психические образования целостны и аналитический подход к ним разрушает возможность их понимания. Отсюда следует, что в исследовании должен использоваться особый метод целостного описания. Эстафета была продолжена В. Дильтеем, который исходил из простого и очевидного положения: существуют явления, которые целостны по своей природе и для того, чтобы их исследовать, необходимо использовать не конструктивный подход (пытающийся «воссоздать» целостность из элементов), а противоположный — брать за основу целостность, расчленять ее, типологизировать и т.д. Эта линия нашла продолжение в психологии XX века, самыми яркими представителями ее были, на наш взгляд (разумеется, каждый по своему) Карл Юнг и С.Л. Рубинштейн (впрочем, эта тема заслуживает отдельного обсуждения);

— развитие психологии привело к появлению «нового психологизма». «Новый психологизм» связывается нами с работами Шпрангера, в которых было обосновано известное положение «Psychologica-psychological», т.е. требование объяснять психическое через психическое же. На наш взгляд, это одно из важнейших положений, имеющих огромное значение для современной психологии;

— развитие психологии привело к появлению нового метода амплификации (К. Юнг), который существенно отличен от метода естественных наук.

Может быть сформулирован еще целый ряд положений, касающихся особенностей теории и методов в психологии XX столетия. Не станем здесь этого делать. Констатируем лишь, что на рубеже веков становится отчетливо ясно, что для осмысления пути пройденного научной психологией за почти полтора столетия ее существования, необходим некоторый «метавзгляд». По нашему мнению, обеспечить такую «метапозицию» может новая область

психологического знания – философия психологии.

Завершая раздел, заметим, что сформулированные выше положения это всего лишь соображения, имеющие «эскизный», предварительный характер. Коммуникативную методологию еще только предстоит разработать. Вероятно, ее разработка может идти существенно различными путями. Здесь нам важно подчеркнуть, что реальная возможность для этого есть. Предложенная схема соотношения теории и метода в психологии может послужить основой для одного из вариантов. Ее достаточно универсальный характер, а также то, что она учитывает специфику именно психологического исследования (поскольку предполагает включение реального предмета), дает возможность рассматривать психологическую концепцию как некоторый структурный инвариант, вселяет некоторый оптимизм. Во всяком случае, задача реального освоения богатства, накопленного психологической наукой, требует практических шагов, направленных на разработку средств и конкретных методологических процедур, которые позволили бы способствовать более эффективной коммуникации психологических концепций.

Вместо заключения: «СВОЯ» КОЛЕЯ

Психология на пороге XXI века вправе рассчитывать на формирование собственной научной парадигмы. Для этого вовсе не обязательно копировать ходы науки и с упорством, достойным лучшего применения, воспроизводить чужие парадигмы, двигаться «чужой колеей». Даже в современном естествознании происходят процессы, которые приводят к «размыванию» традиционной методологии и, как следствие, замене ее на «постнеклассическую» (см. [63], [86]). Почему же психология должна продолжать копировать чуждые ей каноны естественных или герменевтических наук? У нее свой путь.

Известный французский историк Марк Блок в свое время написал — и с этими словами невозможно не согласиться сегодня, более, чем полвека спустя: «Итак, мы ныне лучше подготовлены к мысли, что некая область познания, где не имеют силы Евклидовы доказательства или неизменные законы повторяемости, может, тем не менее, претендовать на звание научной. Мы теперь гораздо легче допускаем, что определенность и универсальность — это вопрос степени. Мы уже не чувствуем своим долгом навязывать всем

объектам познания единообразную интеллектуальную модель, заимствованную из наук о природе, ибо даже там этот шаблон уже не может быть применен вполне. Мы еще не слишком хорошо знаем, чем станут в будущем науки о человеке. Но мы знаем: для того, чтобы существовать, продолжая, конечно, подчиняться основным законам разума, — им не придется отказываться от своей оригинальности или ее стыдиться» [6, С. 13-14]. И самый сложный объект — человеческая душа — вполне заслуживает особого отношения, собственной научной парадигмы, отвечающей специфике ее объекта. Ибо психология — знание о наиболее возвышенном и удивительном.

Конечно, новая парадигма потребует новых принципов организации психологического исследования (обсуждение этого вопроса должно явиться темой отдельной специальной статьи). Новая парадигма должна будет восстановить во многом утраченный ныне контакт, взаимодействие между отдельными потоками внутри общего психологического знания. Вероятно, тогда в общей структуре психологического знания найдется место и трансперсональной психологии — одного из наиболее перспективных направлений в психологии, упорно пытающегося постичь роль и место психического в картине мира. Возможно, для этого потребуются пересмотреть многие взгляды, которые многим представляются незыблемыми. Впрочем, все эти неудобства преходящи, а игра стоит свеч: самое возвышенное и удивительное по-прежнему ожидает научного исследования...

В заключение настоящего текста выскажем соображение в некотором смысле парадоксальное. Возможно, кризис психологии, наличие которого сегодня не подлежит никакому сомнению, и который заметен, что называется, невооруженным глазом, является не только свидетельством продолжающегося (вероятно, несколько затянувшегося) становления этой науки, но и, странным образом, подчеркивает богатство идей и концепций в этой предметной области. Сложность самого объекта располагает к множеству различных интерпретаций. «Разброд» в значительной степени является результатом доминирующей установки научного сообщества на принципиальную возможность разработки некоей универсальной супертеории. Если это все-таки возможно (хотя и представляется весьма и весьма проблематичным), то явно в достаточно отдаленном будущем. Пока же картина иная: «В 70-е гг. большие надежды возлагались на появление некоей единой и универсальной психологической теории, которая будет принята всеми психологами, покончит с эклектизмом пониманий психического и объединит психологическую науку, подобно тому,

как средневековые монархи объединяли свои страны, ломая сопротивление удельных феодалов...» [86, С. 4]. «Однако надеждам не суждено было сбыться: перспективные теории не объединили психологическое «государство», а породили новые «феодалные вотчины», в результате чего психология сейчас еще более мозаична и непохожа на точные науки, чем двадцать или пятьдесят лет тому назад» [86, С. 4]. Видимо, был прав Карл Юнг, который неоднократно отмечал, что время глобальных теорий для психологии еще не наступило. Впрочем, не будем более заниматься прогнозами.

Несомненно, что для психологии XXI века необходимо будет изменить установку: больше обращать внимание на сходство в подходах, нежели на существующие различия. Тогда обнаружится, что единства во взглядах выдающихся психологов уходящего века значительно больше, чем это представляется на первый взгляд. Убедительным доказательством является замечательная работа Кена Уилбера [67], в которой автору удалось обнаружить огромное количество совпадений (в существенных моментах) концепций психического развития, сформулированных различными авторами. Заметим, что впервые она была опубликована еще в 1980 году. Это тоже «росток будущего». Изменение установки позволит осознать, каким богатством психологической мысли мы реально располагаем и насколько велики подлинные успехи психологической науки. Но для этого нужна основа — новое, широкое понимание предмета психологии, которое может послужить тем «предметным», «операциональным» столом, позволяющим выполнить необходимые операции. Нужна новая парадигма.

Психология как прекрасная наука о «возвышенном и удивительном», наука древняя и молодая, несомненно заслуживает того, чтобы идти своим путем, «выбираться своей колеей». Представляется, что дань традиции научная психология уже отдала. Путь эмбриона – согласно биогенетическому закону — уже пройден. Способы действий, характерных как для естественных наук, так и для дисциплин исторических, испробованы. Может быть, психологии пора вспомнить, что она – наука о наиболее возвышенном и удивительном, поэтому вряд ли способы познания в этой области обязательно окажутся теми же самыми, что и в случае исследования и объяснения «бездушной материи».

Пройдет два месяца – настанет новый век, а вместе с ним придет и новое тысячелетие. Наступит иная эпоха. Изменится мир, вместе с ним неизбежно переменится и психология, прекрасная и молодая наука. Возможно, весна нового века принесет обновление научной психологии. Весенние ручейки в психологии уходящего

века, можно думать, уже выполнили подготовительную работу. Механизм обновления чаще всего предполагает некоторое предварительное размывание — как пронизательно заметил поэт: «размыли край ручьи весенние, там выезд есть из колеи — спасение!» [14, С. 427]. Если совсем нельзя без колеи, то пусть она будет своя, а не чужая. Во всяком случае, если в колее не отражаются звезды, то, похоже, что это не та колея. Прислушаемся к призыву барда и сочтем его добрым советом научным психологам: «Выбирайтесь своей колеей!» [14, С. 427].

Литература

1. Абульханова К.А. О субъекте психической деятельности: Методологические проблемы психологии. М.: Наука, 1973. 288 с.
2. Абульханова К.А. Российский менталитет// Человек. Власть. Общество: Материалы Азиатско-Тихоокеанского Международного конгресса психологов. 21-24 мая 1998 года. Хабаровск: Дальний Восток, 1998, с. 6-8.
3. Абульханова-Славская К.А. Методологический аспект проблемы субъективного // Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1969, с. 317-347.
4. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л.: ЛГУ, 1968. 338 с.
5. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т.1. М.: Мысль, 1975. 550 с.
6. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1986. 256 с.
7. Brentano Ф. Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество, 1996. С. 176.
8. Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта. М.: ИП РАН, 1994. 109 с.
9. Василюк Ф.Е. Методологический смысл психологического схизиса// Вопросы психологии, № 6, 1996, с. 25-40.
10. Вундт В. Основания физиологической психологии. М.: Типогр. М.Н. Лаврова и Ко., 1880. 1040 с.
11. Вундт В. Введение в психологию. М.: Книгоиздательство «Космос», 1912. 152 с.
12. Вундт В. Психология в борьбе за существование // Новые идеи в философии. Сб. десятый: Методы психологии II. С. — Пб.: Образование, 1913, с. 93-131.
13. Выготский Л.С. Собрание сочинений. т.1. М.: Педагогика, 1982. 488 с.
14. Высоцкий В.С. Сочинения. Т.1. М.: Художественная лит., 1991. 639 с.

15. Гараи Л., Кечке М. Еще один кризис в психологии! // Вопросы философии, № 4, 1997, с. 86-96.
16. Гегель. Сочинения. Т.5. М., 1937. 715 с.
17. Герbart И.Ф. Психология. С. — Петербург: Изд. редакции журнала «Пантеон литературы», 1895. С. 278.
18. Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию. М.: МГУ, 1988. 320 с.
19. Давыдов В.В. Исчерпала ли себя естественнонаучная парадигма в психологии? // Вопросы психологии, 1997, № 3, с. 127-128.
20. Дессуар М. Очерк истории психологии. С.-Пб.: Книгоизд. О. Богдановой, 1912. 218 с.
21. Джемс У. Психология. М.: Педагогика, 1991. 368 с.
22. Дильтей В. Описательная психология. С.-Пб.: Алетейя, 1996. 156 с.
23. Дюрренматт Ф. Мост // Иностранная литература, № 9, 1998, с. 70-80.
24. Жюльен Н. Словарь символов. Урал LTD, 1999. 500 с.
25. Зинченко В.П. Методология или «охранная грамота»? // Вопросы психологии, 1997, № 3, с. 129-131.
26. Знаков В.В. Понимание в познании и общении. М.: ИП РАН, 1994. 237 с.
27. История психологии: период открытого кризиса: Тексты / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М.: МГУ, 1992. 364 с.
28. Кант И. Сочинения в шести томах. Т.3. М.: Мысль, 1964. 799 с.
29. Кант И. Сочинения в шести томах. Т.6. М.: Мысль, 1966. 743 с.
30. Керлот Х.Е. Словарь символов. М., 1994. 608 с.
31. Князева Е.Н. Одиссея научного разума. М.: ИФ РАН, 1995. 228 с.
32. Крылов В.Ю. Психосинергетика как возможная новая парадигма психологической науки // Психологический журнал. Т.19, № 3, 1998, с. 56-62.
33. Ланге Н.Н. Психический мир: Избранные психологические труды / Под ред. М.Г. Ярошевского. М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «Модэк», 1996. 368 с.
34. Лиотар Ж. — Ф. Состояние постмодерна. М., СПб: Институт экспериментальной социологии, Алетейя, 1998. 160 с.
35. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.
36. Мазилев В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998. 356 с.
37. Мазилев В.А. Русская православная философия, философская психология и методологические проблемы современной психологии

- // Ребенок и пространство: Семь шагов к истине. М.: МАПН, 1996, с. 58-71.
38. Мазилев В.А. Психология: теория и метод // Социальная психология: Практика. Теория. Эксперимент. Практика. Ярославль: МАПН, 2000, с. 191-211.
39. Мазилев В.А. К.Г. Юнг и современная психология // Человек. Власть. Общество: Материалы Азиатско-Тихоокеанского Международного конгресса психологов. 21-24 мая 1998 года. Хабаровск: Дальний Восток, 1998, с. 53-59.
40. Мазилев В.А. Psychologia quinta (О пятой психологии)// Психотехнологии в социальной работе / Сб. под ред. В.В. Козлова. Ярославль: МАПН, 1999, с. 107-132.
41. Мазилев В.А. Проблема мышления в гештальтпсихологии // Познавательные процессы: теория, эксперимент, практика. Ярославль: ЯрГУ, 1990, с. 66-75.
42. Мазилев В.А. Практическое мышление: эволюция подходов (от «простоты» к «единству») // Исследования педагогического мышления. М.: ИПРАН, 1999, с. 34-53.
43. Мазилев В.А. Карл Густав Юнг и методологические проблемы современной психологии // Психологическое обозрение, 1998, № 2, с. 100-102.
44. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. Спб.: Изд. группа Евразия, 1997. 430 с.
45. Маслоу А. Психология бытия. М.: Рефл-бук, 1997. 304 с.
46. Новиков В.В. Социальная психология: феномен и наука. М.: ИП РАН, 1997. 393 с.
47. От редколлегии// Вопросы психологии, 1997, № 3, с. 125-126.
48. Перспективы научной рациональности в XXI веке // Ежемесячное приложение к «Независимой газете» НГ-наука, № 2, 2000.
49. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М.: ИНФРА-М, 1998. 528 с.
50. Пиаже Ж. Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм // Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. Вып. 1, 2. М.: Прогресс, 1966, с. 157-194.
51. Пиаже Ж. Психология, междисциплинарные связи и система наук// XVIII Международный психологический конгресс. 4-11 августа 1966 года. М., 1969.
52. Поппер К. Что такое диалектика? // Вопросы философии, № 1, 1995, с.118-139.

53. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А.В. Брушлинского. М.: Изд-во ИПРАН, 1997. 576 с.
54. Психология. Учебник. М.: Проспект, 1998. 584 с.
55. Психология и новые идеалы научности: материалы «круглого стола»// Вопросы философии, № 5, 1993, с. 3-42.
56. Роговин М.С. Введение в психологию. М.: Высшая школа, 1969. 384 с.
57. Роговин М.С. Уровневая структура психики в учении Аристотеля // Системные исследования: Ежегодник 1978. М.: Наука, 1978, с. 152-168.
58. Роговин М.С. Психологическое исследование. — Ярославль, ЯрГУ, 1979. 66 с.
59. Роговин М.С. Структурно — уровневые теории в психологии. Ярославль: ЯрГУ, 1977. 80 с.
60. Рубинштейн С. Л. Философские корни экспериментальной психологии // Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973, с. 68-90.
61. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Изд. второе. М.: Гос. уч. — пед. изд. — во мин. просв. РСФСР, 1946. 704 с.
62. Спиркин А.Г., Юдин Э.Г., Ярошевский М.Г. Методология // Философский энциклопедический словарь. М., 1989, с. 359-360.
63. Степин В.С. , Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М.: ИФ РАН, 1994. 274 с.
64. Сэмьюэлз Э., Шортер Б., Плот Ф. Критический словарь аналитической психологии К. Юнга. М.: ЭСИ, 1994. 184 с.
65. Тихомиров О.К. Понятия и принципы общей психологии. М.: МГУ, 1992. 87 с.
66. Уайтхед А.Н. Символизм, его смысл и воздействие. Томск: Водолей, 1999. 64 с.
67. Уилбер К. Проект Атман: Трансперсональный взгляд на человеческое развитие. М.: Изд. Трансперсонального института, 1999. 256 с.
68. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. 542 с.
69. Философия и методология науки / Под ред. В.И. Купцова. М.: Аспект-Пресс, 1996. 551 с.
70. Франк С. Л. Душа человека: Опыт введения в философскую психологию // Франк С. Л. Предмет знания. Душа человека. С. — Пб.: Наука, 1995, с. 417-632.
71. Фресс П. Развитие экспериментальной психологии // Экспериментальная психология / Ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. Вып.1, 2. М.: Прогресс, 1966, с. 15-98.

72. Фресс П. О психологии будущего // Психологический журнал, т.2, № 3, 1981, с. 48-54.
73. Хомская Е.Д. О методологических проблемах современной психологии // Вопросы психологии, 1997, № 3, с. 112-125.
74. Черняк В.С. Парадигма // Современная западная философия: Словарь. М.: Изд. полит. лит., 1991, с. 227.
75. Чуприкова Н.И. Какой должна быть сегодня научная психология? // Вопросы психологии, 1997, № 3, с. 126-127.
76. Шадриков В.Д. Духовные способности. М.: Магистр, 1998. 182 с.
77. Шадриков В.Д. Экспериментальный метод исследования // Практикум по экспериментальной психологии. Вып.1. Ярославль: ЯрГУ, 1974, с. 6-46.
78. Шульц Д.П., Шульц С. Э. История современной психологии. СПб: Евразия, 1998. 528 с.
79. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности: Методологические проблемы современной науки. М.: Наука, 1978. 392 с.
80. Юнг К.Г. Дух и жизнь. М.: Практика, 1996. 560 с.
81. Юнг К.Г. Конфликты детской души. М.: Канон, 1995. 336 с.
82. Юнг К.Г. Божественный ребенок. М.: Олимп, 1997. 400 с.
83. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М., 1994. 332 с.
84. Юнг К. Г. Аналитическая психология. СПб, 1994. 136 с.
85. Юнг К. Воспоминания, сновидения, размышления. Киев, 1994. 406 с.
86. Юревич А.В. Системный кризис психологии // Вопросы психологии, № 2, 1999, с. 3-11.
87. Якоби И. Психологическое учение К.Г. Юнга // Юнг К.Г. Дух и жизнь. М.: Практика, 1996, с. 385-534.
88. Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии: Теоретические проблемы развития психологической науки. Изд. 2-е, доп. М.: Политиздат, 1974. 447 с.
89. Ach N. Ueber die Willenstatigkeit und das Denken: Eine experimentelle Untersuchung mit einem Anhang: Ueber das Hippsche Chronoskop. Gottingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1905. 294 S.
90. Boring E. A History of experimental Psychology. 2nd ed. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1950. XXI, 777 p.
91. Brentano F. Psychologie vom empirische Standpunkte. Bd.1. Leipzig: Duncker & Humblot, 1874. 278 S.
92. Bühler K. Die Krise der Psychologie. Jena: Fischer, 1927. XV, 223 S.
93. Cole M. Alexander Luria and the Resolution of the Crisis in Psychology// I Международная конференция памяти А.Р. Лурии — First International Luria Memorial Conference: Abstracts. Moscow, Russia, September 24-26, 1997. М.: MGU, p.117.

94. James W. The Principles of Psychology. London: Macmillan and Co, 1890. V.1. XII, 689 p; V.2. VI, 704 p.
95. Jung C. G. Collected Works. v.8. N.Y.; L., 1968.
96. Lewin K. The Conflict between Aristotelian and Galilean Modes of Thought in contemporary Psychology// J. Gen. Psychol., 1931, pp.141-177.
97. Mazilov V.A. About Methodology of Russian Psychology of Today// Psychological Pulse of modern Russia. M. — Yaroslavl: IAPS, 1997, с. 126-135.
98. Toulmin S. Human Understanding. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1972. 520 p.
99. Wundt W. Einführung in die Psychologie. Leipzig: Voigtlander, 1911. VIII, 129 S.
100. Wundt W. Elemente der Völkerpsychologie: Grundlinien einer psychologischen Entwicklungsgeschichte der Menschheit. Leipzig: Kröner, 1913. XII, 523 S.
101. Wundt W. Grundriss der Psychologie. Leipzig: Engelmann, 1896. XVI, 392 S.
102. Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig: Engelmann, 1874. XII, 870 S.
103. Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie. 3 umgearb. Aufl. Leipzig: Engelmann, 1887. Bd. 1. XII, 544 S.; Bd. 2. X, 562 S.
104. Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie. 5 Aufl., völlig umgearb. Leipzig: Engelmann, 1902. Bd. 1. XV, 553.S.; Bd.2. VIII, 686 S.; Bd.3. IX, 796 S.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ. ПСИХОЛОГИЯ: «ГЛУБИНЫ» И «ВЫСОТЫ» ИЛИ «НАУЧНОСТЬ»?	3
Часть первая: НА ПОРОГЕ НОВОГО ВЕКА.....	14
1. «О возвышенном и удивительном»	14
2. Психология на пороге нового века	20
2.1. Кризис в психологии	23
2.2. Лики кризиса.....	25
2.3. Научная психология: несколько страниц из curriculum vitae	27
2.4. Предмет психологии: необходим «новый взгляд»	32
2.5. Сакраментальные вопросы: в поисках ответов.....	33
2.5.1. Кто виноват?	33
2.5.2. Что делать?.....	37
2.5.3. С чего начать?	39
2.6. Психология: в плену чужих парадигм («чужая колея»).....	43
Часть вторая: ПСИХОЛОГИЯ 2001 ГОДА.....	55
3. На пути к новому психологизму	55
4. О философии психологии	58
5. Коммуникативная методология: площадка для сборки	64
6. Основания оптимизма: теория и метод в психологии.....	70
Вместо заключения: «СВОЯ» КОЛЕЯ	87
Литература	90